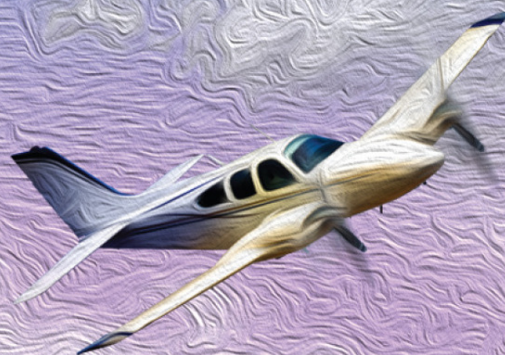

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Полет
длиною в жизнь*

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

Полет длиною в жизнь

«АСТ»

2001

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Полет длиною в жизнь / Д. Стил — «АСТ», 2001 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-108183-6

Порою нам кажется, что прошлое осталось в прошлом, но иногда нужно так мало, чтобы все, вроде бы давно забытое, вновь ожило в памяти! Один телефонный звонок декабрьским днем – и воспоминания уносят Кейт Джемисон на долгие годы назад. В миг, когда она впервые встретила взглядом с Джо Олбрайтом – человеком, изменившим всю ее жизнь. Блестящий летчик, покоривший небо, покорила и ее сердце, да и сам не остался равнодушным к очаровательной красавице. Снова и снова они встречались и с каждым днем понимали, что созданы друг для друга. Но один вопрос непрестанно терзал их обоих: кого Джо любит сильнее – Кейт или небо? Если однажды ему придется выбирать, каким будет его выбор?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-108183-6

© Стил Д., 2001

© АСТ, 2001

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	27
Глава 3	41
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Даниэла Стил

Полет длиною в жизнь

Danielle Steel
Lone Eagle

© Danielle Steel, 2001

© Перевод В. Гришечкин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Моим любимым Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Саманте,
Виктории, Ванессе, Макс и Заре.*

*Вы – самые лучшие люди на свете, самые дорогие из всех, кого я
знаю, и я люблю вас – люблю всей душой и всем сердцем.*

Ваша мама

Пролог

Декабрь 1974 г.

Звонок раздался, когда она меньше всего этого ожидала, – снежным декабрьским вечером, почти в годовщину со дня их первой встречи. Тридцать четыре года прошло с тех пор, тридцать четыре удивительных года!.. Кейт уже исполнилось пятьдесят один, а Джо – шестьдесят три, но, несмотря на то, что он успел столь многого достичь в жизни, он всегда казался ей гораздо моложе своих лет. Жизненная сила переполняла его – жизненная сила и невероятная, неподвластная годам энергия, не позволявшая ему долго сидеть на одном месте. Джо часто напоминал ей праздничный фейерверк-ракету – сколько она его помнила, он всегда устремлялся куда-то вперед и вверх, навстречу чему-то невидимому и недостижимому. От природы он был наделен даром воображения, проницательностью, острым умом, каких не было ни у кого другого. Кейт поняла это сразу – в тот день и час, когда они впервые встретились. И она не ошиблась. Время открывало ей все новые и новые черточки в его характере, но то, что было вначале, осталось с ним навсегда. Правда, Кейт порой не понимала, откуда это у него и, главное, зачем это нужно, и все же с самых первых секунд она знала: он другой, не такой, как все, он – особенный и исключительный.

И других таких не сыщешь в целом свете.

Все эти тридцать четыре года Кейт воспринимала Джо не столько разумом, сколько всем своим существом, каждой клеточкой, каждой молекулой своего тела. Он вошел в нее, как воздух входит в легкие; сделался частью ее души, как кислород, который растворяется в крови. Быть может, с ним не всегда было уютно, спокойно, бестревожно – как, впрочем, и ему с ней. Однако место, которое Джо занял в ее жизни, было слишком важным, да и продолжалось это слишком долго, чтобы прожитые годы легко можно было вычеркнуть из памяти.

Конечно, за прошедшие десятилетия им не удалось избежать ссор и столкновений; в их жизни были вершины и пропасти, взлеты и падения, закаты и рассветы – но были и долгие, долгие периоды блаженного, ничем не нарушаемого покоя. Для Кейт Джо всегда был чем-то вроде Эвереста – вершиной, к которой следует стремиться; местом, которое необходимо во что бы то ни стало достичь, прежде чем начать обживать. С самого начала он был ее мечтой, чудесным сном, сладкой грезой. Джо был раем и адом и одновременно неким подобием чистилища, куда стремилась ее истерзанная душа. Он был ее гением, и, как всякому гению, ему были свойственны крайности, которые Кейт охотно или вынужденно ему прощала.

Впрочем, иначе и быть не могло, потому что каждый из них приносил в жизнь другого смысл и значение, наполнял ее содержанием и цветом, хотя им случалось и пугать, и огорчать друг друга. Понимание, мир, любовь пришли к ним со временем – и с возрастом. А уроки, которые обоим пришлось усвоить, давались им не всегда легко.

С самого начала они были друг для друга испытанием, головоломкой, трудноразрешимой загадкой, живым воплощением потаенных, полусознанных детских страхов и неразрешенных проблем. Но под конец они стали друг для друга лекарством, обильно и вовремя изливавшимся на самые глубокие душевные раны. Время обкатало, отшлифовало обоих, и они притерлись друг к другу, точно два фрагмента головоломки, – плотно и без швов.

За тридцать четыре года, что они прожили вместе, Кейт и Джо сумели найти то, что дано не многим. Порой их отвлекал суетный шум окружающего мира, ослеплял первооткрывательский азарт, и все же оба знали: то, что они сумели отыскать, представляет собой подлинное и исключительно редкое сокровище. И все чаще и чаще прошедшие тридцать четыре года представлялись обоим волшебным танцем, непростым фигурам которого им приходилось учиться всю жизнь.

Кроме всего прочего, Джо отличался от обычных людей умением видеть то, что другим было просто недоступно. Должно быть, поэтому он не испытывал особенной нужды в общении. Напротив, Джо чувствовал себя гораздо лучше, если его оставляли наедине с собой. Надо отдать ему должное, он сумел построить некий удивительный мир, центром которого был он сам. Джо часто казался Кейт чем-то вроде пророка или младшего бога из какого-то языческого пантеона, которому понадобилась своя собственная империя. И он не только создал для себя империю, но и по праву занял в ней трон верховного правителя. Ему удалось раздвинуть границы существующего мира и показать тем, кто был рядом, новые горизонты, о которых никто, кроме него, не подозревал. Джо был рожден для того, чтобы созидать вселенные, взламывать барьеры и устранять препятствия, мешавшие его постоянному стремлению вперед.

Когда зазвонил телефон, Кейт ни на секунду не усомнилась, что это Джо. Он уехал на несколько недель в Калифорнию. Кейт ждала его обратно через пару дней и совсем не беспокоилась – к его неизбежным отлучкам она успела привыкнуть. Словно ясное солнышко, восходившее на востоке и опускавшееся на западе, Джо уезжал и возвращался, снова уезжал и снова возвращался. Но куда бы его ни заносило – будь то Токио, Гонконг или Саратов, – Кейт знала, что он всегда рядом, ибо самолет мог доставить его к ней в считанные часы, а с самолетами у Джо были свои особые отношения. Авиация давно стала частью его души – частью, которая для него значила многое, почти все. Джо полюбил самолеты с самого детства, и когда-то давно Кейт с горечью думала, что он нуждается в них куда больше, чем в ней. Но со временем она нашла в себе силы принять и это – принять, понять и разделить эту его страсть. Она даже научилась любить самолеты, как она любила его глаза, его руки, его душу, ибо все это являлось частями удивительной и сложной мозаики под названием Джо Олбрайт.

В этот день, успокоенная тишиной большого дома, вокруг которого лежали укутанные снегом холмы, Кейт работала над своим дневником. Когда в шесть вечера зазвонил телефон, за окнами было совсем темно, и Кейт даже вздрогнула и бросила взгляд на часы. Впрочем, она тут же улыбнулась и, откинув со лба прядь темно-каштановых, еще не тронутых сединой волос, потянулась к аппарату в полной уверенности, что услышит в трубке знакомый бархатистый баритон.

– Алло? – сказала она, готовясь погрузиться в мягкое тепло его голоса.

Краем глаза Кейт заметила, что снегопад за окнами усилился, и невольно подумала о том, что, когда дети приедут на Рождество, они застанут настоящую волшебную страну. Впрочем, у детей уже были свои дети, свои дела, свои знакомые и близкие, о которых они думали и о которых заботились, так что в последнее время жизнь Кейт почти полностью была посвящена Джо. И в этом не было ничего удивительного, ибо Джо всегда занимал в ее сердце главное место.

– Миссис Олбрайт?

На мгновение Кейт почувствовала себя разочарованной. Но только на мгновение, потому что знала: Джо непременно позвонит тоже – быть может, позже, но позвонит. Он всегда звонил ей, хотя зачастую ему было совсем непросто добраться до работающего аппарата.

Между тем пауза в трубке затягивалась, словно обладатель смутно знакомого голоса на другом конце линии ждал, пока Кейт сама догадается, о чем пойдет речь. Несколько мгновений спустя Кейт вспомнила, кому может принадлежать этот голос: одному из новых помощников Джо, с которым ей уже приходилось разговаривать пару раз.

– С вами говорят из офиса мистера Олбрайта, – сказал он и снова замолчал, а Кейт, сама не зная почему, вдруг подумала, что молодой человек звонит вовсе не ей, а Джо. Ей даже почудилось, будто Джо стоит прямо за ее спиной, однако это, конечно, была игра воображения.

– Я слушаю вас, – сказала она как можно мягче.

– Я... Простите, пожалуйста, но... Дело в том, что произошло несчастье. Ужасное несчастье...

Услышав эти слова, Кейт похолодела. Нет, не похолодела – она буквально заledenела, словно вдруг оказалась голышом на снегу. Она поняла, что могло случиться, еще до того, как молодой человек объяснил, в чем дело.

Несчастье... Он сказал – ужасное несчастье... Что же это, господа?!!

Подсознательно Кейт всегда ждала какой-нибудь беды, но Джо удалось убедить ее, что ничего страшного с ним случиться не может. Он был застрахован от всякого рода несчастий, он не совершал ошибок и промахов, он был бессмертен и... непогрешим. Когда они только познакомились, Джо шутя сказал ей, что когда-то у него было сто жизней, но девяносто девять он уже истратил. Однако Кейт всегда казалось, что у него в запасе всегда есть еще одна, сто первая, сто вторая, сто третья жизнь...

– Сегодня вечером он вылетел в Альбукерке, – сказал голос в трубке, и Кейт вдруг ясно услышала, как в комнате тикают часы. От этого звука у нее перехватило дыхание, и она вдруг подумала, что точно так же тикали ходики сорок лет назад, когда мать пришла к ней в детскую, чтобы рассказать о смерти отца. Сейчас этот звук напомнил ей о непостижимом беге времени, которого с каждой секундой оставалось все меньше. Кейт вдруг показалось, что она падает в бездонную пропасть, из которой нет – не может быть – возврата. «Какая чушь, – подумала она. – Джо не допустит, чтобы со мной что-то случилось. В первую очередь он подумает обо мне, а уж потом обо всем остальном».

– Мистер Олбрайт испытывал новую конструкцию самолета, – продолжал голос в трубке, и Кейт неожиданно подумала о том, что обладатель его – совсем мальчишка, во всяком случае, звучал этот голос по-мальчишески молодо. Но, черт возьми, почему он звонит ей, этот едва знакомый парень? Почему Джо не позвонил сам?! Быть может, с ним все же что-то стряслось?..

Впервые за всю жизнь Кейт почувствовала, как от страха у нее подгибаются ноги.

– Ч-что вы сказали? – переспросила она неожиданно севшим голосом.

– ...Я сказал, произошел взрыв, – повторил клерк. До этого он говорил так тихо, что Кейт едва разбирала отдельные слова, но последняя фраза буквально оглушила ее.

– Взрыв? – переспросила она. – Да вы хоть понимаете, что говорите?! Этого не может быть! Вы, наверное, ошиблись. Я знаю, что...

Кейт поперхнулась и не смогла продолжать. Она вдруг поняла, что следует дальше, – поняла и почувствовала, как рушатся стены ее маленького, безопасного, такого дорогого и счастливого мира.

– Прошу вас, не говорите ничего... – уронила она чуть слышно.

Некоторое время оба молчали. Глаза Кейт наполнились слезами ужаса и отчаяния, она не владела собой и не могла произнести ни слова. Клерк же молчал, ибо не знал, как быть, хотя сам вызвался известить миссис Олбрайт о случившемся. Кроме него, в конторе больше не нашлось смельчаков, кто взял бы на себя такую задачу.

– Они упали в самом сердце пустыни, – сказал он наконец.

Кейт закрыла глаза и выпрямилась, напряженно вслушиваясь в каждое слово. «Нет, – твердила она себе, – этого не могло случиться. Просто не могло. Наверняка произошла какая-то ошибка. Джо не мог поступить со мной так». И все же в глубине души она всегда знала – подобное может произойти. Знала и подсознательно ждала, хотя и не верила до конца. Она никогда не верила, что Джо может погибнуть – ведь он был таким молодым, энергичным, полным жизни. Да, ей приходилось встречаться со вдовами летчиков-испытателей, чьи мужья разбились, испытывая самолеты Джо. Он всегда сам навещал их, сам приносил страшные вести, а Кейт ездила с ним. Но как бы глубоко она ни сочувствовала этим женщинам, их горе было только их горем, их потеря – их потерей. По большому счету, ее это никак не касалось, и она успела привыкнуть к мысли, что так будет всегда.

И вот теперь ей звонит этот мальчик, этот едва оперившийся птенец, который, конечно же, не может даже догадываться, чем был для нее Джо. Наверняка он и Джо-то как следует не

знал. Нет, разумеется, ему было известно, что мистер Джо Олбрайт – это тот самый человек, который много лет назад возглавил самолетостроительную фирму, со временем превратившуюся в настоящую империю с отделениями и филиалами по всему миру. Он, несомненно, знал, что Джо не просто человек, а живая легенда, но и только. А ведь в Джо же было много такого, чего не знал никто, кроме нее! Да и сама она потратила полжизни, чтобы понять, кто такой Джо Олбрайт...

– Кто-нибудь уже был на... месте катастрофы? – спросила Кейт, и голос ее дрогнул, несмотря на все усилия. «Если бы они побывали там, – думала она, – то наверняка нашли бы Джо живым и невредимым. Он бы выбрался из-под обломков и, отряхивая брюки, посмеялся бы над вытянутыми физиономиями спасателей». Он был таким, ее Джо, – ничто не могло причинить ему вреда.

Клерк немного колебался, прежде чем ответить. Ему не хотелось говорить, что самолет взорвался в воздухе, осветив темнеющее небо на многие мили вокруг наподобие проснувшегося вулкана. Другой пилот, летевший много выше погибшего самолета, передал на землю, что взрыв был похож на вторую Хиросиму. От Джо Олбрайта не осталось ничего – только имя.

– Никакой ошибки нет, миссис Олбрайт. К сожалению... Могу я быть чем-нибудь полезен? Если вы одна, мы могли бы направить к вам кого-то из нашего местного отделения...

Кейт ответила не сразу – слова не шли на язык, а в голове образовалась звенящая пустота. «Я не одна, – хотелось ответить ей, – со мной Джо». Но тогда бы они точно прислали к ней бригаду врачей. А объяснять этому мальчику, что никто и ничто не в силах отнять у нее Джо, Кейт не хотела.

– Со мной все в порядке, – выдавила она наконец.

Клерк явно обрадовался.

– Еще раз примите наши соболезнования, миссис Олбрайт, – сказал он. – Позднее кто-нибудь из наших служащих позвонит вам, чтобы договориться насчет... насчет необходимых приготовлений.

Кейт только тупо кивнула в ответ и, не прибавив больше ни слова, положила трубку. Ей нечего было сказать, да она и не смогла бы сейчас говорить. Она лишь смотрела за окно на заснеженный склон холма, а видела лицо Джо. Казалось, он стоит прямо перед ней – такой же, как всегда, такой же, как в тот день, когда они впервые встретились.

Потом Кейт захлестнула новая волна паники и ужаса, и ей пришлось приложить огромные усилия, чтобы совладать с собой. «Я должна быть сильной, – твердила она себе. – Должна быть сильной ради него. Нужно взять себя в руки. Я должна остаться такой, какой я была всегда, какой я стала благодаря ему». Джо ожидал бы от нее именно этого, и Кейт не могла его подвести. Нельзя уступать ужасу, нельзя сдаваться бездонному мраку, готовому поглотить ее с головой.

Закрыв глаза, Кейт негромко позвала Джо по имени, но знакомая комната, в которой они провели столько счастливых часов, не отозвалась даже эхом.

– Не уходи, Джо! – прошептала она, чувствуя, как слезы катятся по щекам. – Я не могу без тебя...

– Я здесь, Кейт. Я никуда не уйду. Ты сама отлично это знаешь.

Голос, раздавшийся у нее в ушах, был негромким, спокойным и казался настолько реальным, что Кейт невольно оглянулась через плечо. Она знала – этот голос ей не почудился. Джо никогда не покинет ее; просто, подчиняясь высшему порядку мироустройства, он совершил то, что должен был, – отправился туда, где ему предназначено было пребывать: в свое любимое небо. Все годы, что они были вместе, он часто уходил от нее туда, вся разница заключалась в том, что прежде Джо обязательно возвращался. Но даже теперь, когда он поднялся в небо, чтобы остаться в нем навеки, для нее Джо остался таким же, каким был всегда: сильным, надежным, непобедимым.

И свободным.

Того, что произошло, нельзя было изменить никакими силами. Но Кейт знала: самый мощный взрыв, даже вселенская катастрофа не смогут отнять у нее Джо. Правила, применимые для обычных людей, к нему не подходили вовсе. Он не мог просто так взять и умереть – «отдать концы», «протянуть ноги», «сыграть в ящик». Он должен был уйти, а она – как уже не раз случалось – должна была отпустить его туда, в его настоящий дом. И для обоих это был последний подвиг самопожертвования, подвиг любви и мужества...

Но, несмотря на все это, Кейт чувствовала: жизнь без него для нее невообразима, невозможна. Глядя в сгущающиеся за окном снежные сумерки, она словно наяву видела, как Джо медленно уходит от нее в темноту. Вот он обернулся, чтобы улыбнуться ей в последний раз, и Кейт поняла, что видит его таким, каким он был тридцать четыре года назад. Таким, каким она его помнила и любила.

Ночь за окном наливалась тишиной, и в доме тоже воцарилась глухая, ватная тишина. Даже часы в прихожей – старинные ходики забытой швейцарской фирмы – остановились, перестали стучать. Снег за окном валил стеной, белым саваном окутывая окрестности, а Кейт мысленно возвращалась все дальше и дальше в прошлое – в тот далекий вечер, когда они впервые увидели друг друга. Тогда ей было семнадцать, а Джо – двадцать девять, и он был молод и прекрасен. Эти незабываемые минуты изменили всю ее жизнь, Кейт до сих пор помнила, как подняла на него глаза и как он протянул ей руку, приглашая на танец.

И долгий, долгий танец начался...

Глава 1

Кейт Джемисон познакомилась с Джо Олбрайтом в декабре тысяча девятьсот сорокового года, за три дня до Рождества. Это произошло на балу, который давали близкие знакомые ее родителей в честь восемнадцатилетия старшей дочери. Семья Джемисон специально приехала в Нью-Йорк из Бостона, чтобы сделать кое-какие рождественские покупки и побывать на этом балу. Обычно семнадцатилетние девушки на подобные мероприятия не допускались, но Кейт была хорошо знакома с младшей сестрой дебютантки. Часто бывая у подруги в доме, она совершенно очаровала ее родителей, к тому же для своего возраста Кейт выглядела достаточно взрослой, и для нее было сделано исключение.

Кейт была буквально на седьмом небе от счастья: ей еще никогда не приходилось бывать на настоящих «взрослых» празднествах. Большой балльный зал, куда она вступила в сопровождении отца, был полон интересных и знаменитых людей. Отец шепотом называл ей имена губернаторов штатов, известных политических деятелей, крупных банкиров, состоятельных промышленников. Но, главное, Кейт увидела сразу столько интересных молодых людей, что из них можно было сформировать дивизию или даже целую армию. Несколько сотен гостей с трудом разместились в балльном и банкетном залах, в малой гостиной (размером с хорошее футбольное поле), в зале для приемов и библиотеке, где тоже были накрыты столы. И все равно для всех мест не хватило, и в саду особняка был разбит просторный шатер. И в шатре, и в балльном зале играли оркестры, кружились пары, сверкали бриллианты и обнаженные плечи дам, мужчины были во фраках, кремовых смокингах и белых «бабочках».

Особенно очаровательна была сама виновница торжества – миниатюрная, хрупкая блондинка в платье от «Скиапарелли». На щеках ее горел легкий румянец восторга и волнения, и волноваться было от чего – ведь этого момента она ждала все свои восемнадцать лет. Сегодня дебютантку представляли высшему обществу, после чего она официально считалась взрослой. Стоя рядом с родителями, она принимала гостей и напоминала прелестную фарфоровую куколку – лишь ресницы ее слегка трепетали, когда специальный глашатай громко выкрикивал имя очередной знаменитости.

Когда подошла очередь семейства Джемисон, Кейт поцеловала сестру подруги и от души поблагодарила за приглашение. Пока девушки стояли друг против друга, они напоминали двух балерин с картины Дега и казались очень похожими, хотя на самом деле были совсем разными. Восемнадцатилетняя дебютантка была тонкой, как тростинка; казалось, стоит подуть ветру, и ее унесет. Ее фигура только-только начала приобретать округлые, женственные формы, отчего она походила на подростка – особенно по сравнению с Кейт, внешность которой была куда эффектнее. Кейт была довольно высокой, с тонкой талией и массой густых темно-каштановых волос, свободно падавших ей на плечи. Темно-голубые глаза в обрамлении густых ресниц напоминали горные озера; безупречной формы скулы могли бы служить моделью для Микеланджело, а фигуре позавидовал бы и Пракситель.

Но различие между девушками заключалось не только во внешности. Юная дебютантка была спокойна и сдержанна – во всяком случае, старалась казаться таковою, и ей это вполне удавалось, если не считать легкого, едва заметного румянца на щеках. Кейт же, напротив, излучала энергию и жизнерадостность молодости. Когда хозяева представляли ее другим гостям, она вдруг улыбнулась, буквально ослепив всех блеском безупречных зубов и голубых глаз. В форме ее губ было нечто такое, что казалось – она вот-вот скажет что-то очень смешное или очень важное и окружающим непременно захочется это запомнить. Ей словно хотелось поделиться своей непосредственностью и любовью к жизни со всеми сразу.

Но вместе с тем в Кейт было и что-то загадочное, чарующе-таинственное, будто она явилась в этот мир откуда-то из дальних краев – явилась, чтобы властвовать. В любой толпе Кейт

не затерялась бы, ибо в ней не было ничего ординарного, но главный ее секрет был не только и не столько во внешности, сколько в ее естественном очаровании и остроумии. Всегда, с раннего детства, Кейт приходили в голову самые неожиданные замыслы, и она тут же приводила их в исполнение, что не могло не нравиться ее родителям, ибо в семье она была единственным и к тому же поздним ребенком. Мать произвела ее на свет после двадцати лет бездетного замужества, поэтому было только естественно, что родители души в ней не чаяли. Даже когда Кейт озорничала, они не сердились на нее, не бранили. Отец Кейт любил повторять, что стоило потерпеть два десятка лет, чтобы дожидаться такую дочку, а мать с готовностью с ним соглашалась.

Детство Кейт было беззаботным и безоблачным еще и потому, что, кроме родительской любви, она пользовалась всеми благами, которые способно доставить богатство. Джон Бэррет, отец Кейт, происходил из очень состоятельной бостонской семьи, а женился он на Элизабет Палмер, родители которой были еще богаче. Этот брак устраивал обе семьи. Джон Бэррет был хорошо известен в финансовом мире благодаря своему знанию рынка и разумной осторожности, с которой он вкладывал средства в ценные бумаги. Но кризис двадцать девятого года и последовавшая за ним Великая депрессия погубили отца Кейт подобно тысячам таких же, как он. В считанные дни он потерял все свои деньги и так и не смог оправиться от потрясения. С тех пор его уделом стали бедность и отчаяние. К счастью, еще до свадьбы родители Элизабет сочли неблагоразумным класть все яйца в одну корзину, не стали объединять капиталы жениха и невесты и продолжали управлять большей частью состояния дочери. Экономическая катастрофа двадцать девятого года чудесным образом пощадила капитал Палмеров, благодаря чему Элизабет не потеряла ни цента. У нее была, таким образом, возможность помочь мужу, и она действительно сделала очень много для того, чтобы успокоить его и помочь снова встать на ноги.

Однако раны Джона Бэррета были слишком глубоки. Пережитый позор продолжал сжигать его изнутри. Трое его ближайших друзей и клиентов застрелились через несколько месяцев после банкротства, один выпрыгнул из окна, один вскрыл себе вены. Джону, чтобы дойти до предела отчаяния, потребовалось времени немногим больше. На протяжении почти двух лет он безвылазно сидел в кабинете на втором этаже принадлежавшего Элизабет особняка, никуда не выходил и ни с кем не встречался. Банк, который основал еще его дед и которым Джон успешно управлял без малого два десятилетия, прекратил свое существование спустя два месяца после кризиса, и Джон считал себя конченным человеком. Единственным, что скрашивало его добровольное заточение, была Кейт, которой в ту пору исполнилось шесть. Лишь ее он впускал к себе в кабинет, а она приносила ему то конфету, то забавную картинку, нарисованную специально для папы. Кейт как будто чувствовала, в каких мрачных лабиринтах он блуждает, и инстинктивно пыталась вызволить его оттуда, но все ее усилия были тщетны. Вскоре двери отцовского кабинета закрылись и для нее – Джон Бэррет больше не хотел видеть «свою радость», «свою единственную крошку», да и мать больше не разрешала Кейт подниматься наверх. Элизабет не хотела, чтобы дочь видела своего отца опустившимся – пьяным, небритым, истерзанным своим позором и своей воображаемой виной. Достаточно было, что это зрелище разбивало сердце ей самой.

Джон Бэррет покончил с собой в августе тридцать первого года. Своим жене и дочери он не оставил ни гроша. К счастью, за два года депрессии состояние Палмеров почти не пострадало, что делало Элизабет едва ли не единственным исключением из общего грустного правила. До тех пор, пока она не потеряла Джона, экономический кризис почти никак не влиял на ее жизнь.

Кейт навсегда запомнила тот день, когда мать сообщила ей о несчастье. Она сидела в детской, пила из чашки горячий шоколад, прижимая к себе свободной рукой любимую куклу, и думала о том, что совсем скоро ей нужно будет идти в третий класс. От этих мыслей ей

сделалось почти весело, но когда она увидела вошедшую в комнату мать, то сразу поняла – случилось что-то плохое. На несколько ужасных мгновений ее внимание оказалось приковано к широко раскрытым глазам матери; кроме этого, Кейт не видела, не воспринимала ничего, разве что тиканье часов в детской, которое вдруг стало оглушительным, словно басом взревел колокол в католическом соборе напротив.

Элизабет не проронила ни единой слезинки. Спокойным и тихим голосом, до странности похожим на тот, каким она разговаривала в обычной жизни, Элизабет сказала дочери, что папы больше нет и что он отправился на небо, чтобы быть поближе к богу. Но для Кейт обычная и счастливая жизнь закончилась в этот самый миг, и она почти физически почувствовала, как весь ее маленький мир рушится прямо ей на голову. Куклу она выронила, горячий шоколад из опрокинувшейся чашки растекался по салфетке, по столу, но Кейт ничего этого не замечала. Ей вдруг стало до странности очевидно, что с этой минуты ее жизнь уже никогда не будет прежней.

На похоронах отца Кейт сидела у гроба неподвижно и торжественно, словно маленький оловянный солдатик из детской сказки, которую когда-то давно ей читал папа. В руке Кейт сжимала кружевной розовый платочек, но не плакала. Со стороны могло показаться, будто девочка не понимает, что, собственно, произошло, но это было не так. На самом деле Кейт понимала: папа ушел, потому что ему было очень, очень грустно и больно. Осознание этого наполняло ее такой болью, что она была не в состоянии что-либо воспринимать. Кейт не замечала ничего вокруг, и лишь обрывки отдельных фраз, долетая до ее слуха, накрепко застревают в памяти. «...Так и не оправился... сломался человек... выстрелил себе в сердце... спустил несколько состояний... хорошо еще, что деньги Элизабет остались при ней, иначе бы он потерял и их тоже». Подобные фразы повторялись и потом, когда у них бывали гости, и постепенно Кейт начала понимать, какая страшная картина за этим стоит.

Впрочем, внешне их жизнь изменилась мало. Они жили в том же особняке и принимали тех же людей. Через несколько дней после похорон отца Кейт пошла в третий класс, однако на протяжении еще нескольких месяцев ее жизнь текла как в тумане. Человек, которого она любила, которому верила и старалась подражать, оставил их без всякого предупреждения и без объяснения причин. Правда, о причинах Кейт начинала догадываться, однако от этого ее боль не становилась меньше. С уходом отца исчезла значительная часть ее мира, и на самом деле жизнь Кейт изменилась решительно и бесповоротно. Элизабет, погруженная в скорбь, не могла дать дочери того, в чем она так нуждалась в первые месяцы после трагедии. Порой Кейт даже начинало казаться, что она потеряла обоих родителей, а не одного...

Запутанные дела мужа Элизабет поручила близкому другу Джона, банкиру Кларку Джемисону. Ему тоже удалось сохранить свое состояние, вложенное в несколько наиболее надежных предприятий. Среди партнеров по бизнесу он слыл человеком порядочным и надежным, к тому же Элизабет знала, что Кларк отличается добротой и спокойным, уравновешенным характером. Когда-то он был женат, но девять лет назад его жена скончалась от туберкулеза; детей у них не было, и с тех пор Кларк жил бобылем. Никого особенно не удивило, что уже через десять месяцев после смерти Джона Бэррета он попросил Элизабет стать его женой, а еще через четыре месяца они поженились. Церемония бракосочетания была очень скромной; кроме них двоих, на ней присутствовали только священник и девятилетняя Кейт, следившая за происходящим с волнением, к которому примешивалась изрядная доля тревоги.

Впрочем, как показало время, опасения Кейт не имели под собой никаких оснований. Новый брак Элизабет оказался гораздо более счастливым, хотя из уважения к памяти первого мужа она никогда об этом не говорила. Они с Кларком прекрасно подходили друг другу. Их объединяли и сходство характеров, и общность интересов, но самым главным было то, что Кларк оказался превосходным отчимом для Кейт. Он обожал девочку, и та платила ему той же монетой. Кларк стал для нее защитником, покровителем, другом и просто очень близким

и родным человеком, и спустя какое-то время она поняла, что не променяла бы его ни на кого другого. Кейт была уже достаточно большой, чтобы сознавать – Кларк изо всех сил старается заменить ей отца, которого она потеряла. Говорить с ним об этом Кейт не решалась, а просто всячески пыталась помочь ему, поддержать, и их отношения с каждым днем становились все лучше, все теснее. В скором времени в Кейт проснулись бывшая жизнерадостность и любовь к проказам, и, хотя ее проделки порой подходили чересчур близко к границам дозволенного, Кларка это не сердило и не раздражало. Напротив, он еще крепче привязался к падчерице.

Когда Кейт исполнилось десять, Кларк Джемисон официально удочерил ее, предварительно обсудив этот шаг с Элизабет и с самой Кейт. Правда, сначала Кейт сомневалась, не будет ли это предательством по отношению к ее родному отцу. Однако буквально накануне того дня, когда Кларк собрался взять все необходимые документы в органы социальной опеки, она призналась ему, что именно этого ей хочется больше всего на свете. В сущности, Джон Бэррет исчез из ее жизни почти четыре года назад – в день, когда разорился принадлежащий ему банк. С тех пор она, сама того не сознавая, жила в постоянной тревоге, и только Кларк Джемисон сумел вернуть ей уверенность в завтрашнем дне. И дело было не только в том, что он любил ее и баловал, – просто Кларк всегда оказывался рядом, когда она нуждалась в нем, в его помощи или просто в родительской ласке.

В конце концов все друзья и подруги Кейт совершенно позабыли о том, что Кларк – не родной ее отец, а со временем она и сама перестала об этом вспоминать. Или почти перестала. Лишь изредка, оставаясь одна, Кейт думала о Джоне Бэррете, но он казался ей таким далеким, что она воспринимала его скорее как символ, чем как реального человека. Гораздо четче, чем его образ, в ее памяти запечатлелось ощущение одиночества, растерянности и страха, которые она пережила после его смерти.

Впрочем, об этом Кейт старалась не думать. Дверь, ведущая в эту часть ее сознания, была закрыта, и она предпочитала никогда ее не открывать. Да и не в характере Кейт было сосредоточиваться на грустном или подолгу предаваться печали. Она принадлежала к той редкой категории людей, внутри которых словно вставлен мощный мотор, с неудержимой силой несущий их от прошлого к будущему, от печали – к радости, и эту радость Кейт щедро дарила окружающим. Ее звонкий смех, ее сияющие синие глаза, в которых прыгали озорные искры, создавали вокруг Кейт своеобразную ауру жизнерадостия и безмятежного счастья, которая распространялась и на тех, кто оказывался рядом с ней.

Это обстоятельство особенно радовало Кларка, который никогда не забывал о том, что он не родной отец Кейт. По обоюдному молчаливому согласию они никогда не говорили об этом с тех самых пор, когда Кларк, вернувшись домой со всеми необходимыми документами, коротко сказал девочке: «Дело улажено», и Кейт, кивнув, вернулась к своим куклам. Эта глава в их жизни была прочитана и закрыта, и ни тот, ни другая не желали к ней возвращаться. Больше того, Кейт была бы неприятно поражена, если бы кто-то из знакомых заговорил с ней об этом. Кларк вошел в ее жизнь как отец, как друг и старший наставник, и произошло это так органично и мягко, что она никогда об этом не думала. Он заполнил пустоту в ее душе и сердце, стал ей *настоящим* отцом, а она ему – настоящей дочерью.

В Бостоне имя Кларка Джемисона – выходца из влиятельной и весьма состоятельной семьи, выпускника Гарвардского университета и преуспевающего банкира – было широко известно и уважаемо. Да и сам он был весьма доволен тем, как складывалась его жизнь. Действительно, одного того, что во времена Великой депрессии он сумел сохранить свои капиталы, было вполне достаточно, чтобы гордиться собой. Однако своей главной удачей Кларк считал то, что он женился на Элизабет и удочерил Кейт. Он достиг успеха во всех областях, которые считал важными, и мог с полным основанием полагать себя счастливым человеком.

И Элизабет тоже была счастливой женщиной – по крайней мере в глазах окружающих. Она имела все, о чем только можно было мечтать: деньги, любящего мужа и обожаемую дочь, в

которой сосредоточился весь смысл ее существования. Кейт появилась на свет, когда Элизабет уже исполнилось сорок, и с самого начала сделалась главной радостью в жизни матери. Все надежды и упования Элизабет воплотились в дочери, поэтому она не жалела для нее ничего. Она любила Кейт глубоко и нежно, подчас – баловала, но вместе с тем внимательно следила, чтобы энергия и жизнелюбие девочки были направлены в нужное русло. Именно Элизабет научила Кейт в любых обстоятельствах держать себя в руках и привила безупречные манеры. Мать и отчим всегда относились к Кейт как к маленькой личности: они делились с ней своими мыслями, своими радостями и тревогами и жили общими интересами, никогда не расставаясь надолго. Даже когда Кларк и Элизабет уезжали за границу по делам – а ездить им приходилось часто, – они всегда брали ее с собой.

К семнадцати годам Кейт объездила всю Европу и даже успела побывать в Сингапуре и Гонконге. Эти поездки помогли ей расширить свой кругозор и обрести дополнительную уверенность в себе. Оказавшись на балу, где ее окружали сотни незнакомых людей, она ничуть не растерялась, и это ощущали все, с кем ей приходилось знакомиться. Каждый, кто сталкивался с ней, непременно отмечал про себя: эта девушка чувствует себя совершенно легко и непринужденно в сутолоке и многолюдстве роскошного зала. Она могла заговорить с каждым, пойти, куда захочется, сделать все, что считала нужным. Казалось, ничто не может смутить или испугать Кейт. Она любила жизнь, принимала ее в любых проявлениях, и это было заметно с первого взгляда.

Платье, которое было на Кейт в этот праздничный вечер, Кларк выписал из Парижа – должно быть, поэтому оно сильно отличалось от платьев других девушек. Большинство надели бальные платья светлых тонов – разумеется, за исключением белого, так как этот цвет был привилегией юной дебютантки, – однако все они принадлежали к одному стилю, что, впрочем, не мешало их обладательницам выглядеть очаровательно и мило. Но Кейт была не просто очаровательна – она выглядела по-настоящему оригинально и элегантно и притягивала все взгляды. Казалось, что женского, взрослого в ней значительно больше, чем девичьего, однако производимое ею впечатление не было ни вульгарным, ни чрезмерно чувственным. От нее как будто исходила какая-то несуетная простота, что только подчеркивалось отсутствием оборок, кружев и других ненужных украшений. Ее платье из светло-голубого атласа с тонкими, как ниточки, бретельками было скроено по косой и, плавно облекая фигуру, играло и рябило при каждом движении, словно поверхность пруда в ветреный день. Подобный покрой подчеркивал ее изящество и пропорциональность сложения, а аквамариновые серьги, перешедшие к Кейт от бабки по материнской линии, сверкали среди густых темно-каштановых прядей, словно глаза шаловливых эльфов.

Никакой косметики Кейт не употребляла. Единственное, что она себе позволила, – это немного пудры на плечах, чтобы подчеркнуть цвет платья, который менялся в зависимости от освещения: то голубел, как первый лед на реке, то напоминал зимнее пасмурное небо. Что касалось лица, то никакая пудра или крем не могли улучшить его естественного оттенка, соперничавшего с нежнейшими лепестками самых бледных роз. Губы у Кейт были ярко-алыми, несколько капризно изогнутыми, что особенно бросалось в глаза, так как она постоянно что-то говорила, улыбалась или смеялась.

Поздравив дебютантку с достижением совершеннолетия, Кейт и Кларк двинулись в глубину зала. Кейт держала отца под руку, а он беззлобно над ней подтрунивал. Элизабет шла за ними, но через каждые пять шагов ей приходилось останавливаться, чтобы поболтать с кем-нибудь из знакомых. Вскоре Кейт заметила среди гостей сестру виновницы торжества, стоявшую в углу с группой молодежи, и поспешила туда, договорившись с отцом встретиться немного погодя в бальном зале.

Кларк Джемисон с гордостью проводил дочь взглядом – и не он один. Многие головы повернулись ей вслед, хотя Кейт об этом даже не подозревала. Никогда еще ей не приходило

на ум, что она выглядит просто потрясающе и способна покорять сердца одним взглядом, одним движением. Уже через несколько секунд она непринужденно болтала и смеялась со своими подругами, так и не заметив, что успела вскружить головы нескольким десяткам молодых людей. Зато Кларк это заметил, однако, продолжая потихоньку наблюдать за дочерью, нисколько за нее не волновался. Он давно привык: что бы Кейт ни делала, где бы ни находилась, она неизменно очаровывала окружающих своей веселостью и жизнелюбием. Кейт любили все без исключения, никому и в голову не приходило ее обидеть или просто отнестись недоброжелательно. И это позволяло Кларку и Элизабет надеяться, что через пару-тройку лет их дочь встретит достойного молодого человека, полюбит его и выйдет за него замуж.

Особенно часто об этом задумывалась Элизабет. Она была счастлива с Кларком и, разумеется, желала дочери такой же судьбы. Однако ее муж придерживался несколько иного мнения. Нет, он был не против брака дочери, но считал, что сначала она должна получить хорошее образование. Он даже говорил с ней об этом, и убедить Кейт Кларку не составило труда. Несмотря на молодость, Кейт была достаточно умна, чтобы не отказываться от такой замечательной возможности, тем более что замуж она совсем не спешила. Единственное, чего она пока не могла решить, это на каком из учебных заведений остановиться. Ей нравились и Рэдклифф, и Уэллсли, и Вассар, и Барнард, и целая куча других колледжей. Прошлой зимой Кейт уже написала в некоторые из них заявления с просьбой о приеме, чтобы начать учебу, как только ей исполнится восемнадцать. Кроме этого, она написала и в Гарвардский университет, потому что там учился ее отец. Гарвард и Рэдклифф стояли первыми в списке ее предпочтений, но и другие колледжи сбрасывать со счетов она не собиралась.

Продолжая болтать с подругами, Кейт переходила из одной приемной в другую, знакомясь с новыми и новыми людьми. Прекрасная память помогала ей запомнить почти все имена, хотя число новых знакомых давно перевалило за несколько десятков. Непринужденность и приветливость Кейт вскоре привели к тому, что вскоре вокруг нее собралась целая толпа, причем мужчин – и молодых, и зрелых – в ней было заметно больше, чем женщин. Они находили ее рассказы интересными и остроумными, ее манеры – обворожительными, ее стиль – блестящим, поэтому, когда начались танцы, от кавалеров просто не было отбоя. Кейт приходилось начинать танец с одним партнером, а заканчивать с другим, ибо желающих оказалось даже чересчур много. В целом же вечер получился просто замечательным, и Кейт получила огромное удовольствие, но, к счастью, всеобщее поклонение не вскружило ей голову. Кейт ни на секунду не забывала о том, что это вовсе не ее первый бал.

Кейт впервые увидела его в банкетном зале, где был устроен буфет. Она беседовала с одной из подруг, которая делилась впечатлениями от первого года учебы в Уэллсли, и, случайно вскинув голову, вдруг заметила лицо, показавшееся ей незаурядным. Прошло несколько секунд, прежде чем она поймала себя на том, что больше не слушает приятельницу, а разглядывает – нет, буквально таращится на молодого мужчину, который полностью завладел ее вниманием. В нем и вправду было что-то загадочное, гипнотическое, интригующее, хотя Кейт не могла бы сказать, что именно. Незнакомец был довольно высок и широкоплеч, его песочного цвета шевелюра пребывала в легком беспорядке, но черты лица были четко очерченными и аристократически правильными. Еще Кейт заметила, что он значительно старше тех восемнадцати-двадцатилетних мальчишек, с которыми она только что танцевала. Выглядел он лет на тридцать или чуть моложе – так она решила, продолжая рассматривать его с той же жадной непосредственностью.

Как и большинство присутствующих мужчин, этот человек был в светлом смокинге и галстук-бабочке, делавших его совершенно неотразимым. Однако Кейт почудилась в нем некая скованность, которую можно было объяснить отсутствием привычки к подобной одежде – или к подобным светским мероприятиям. Казалось, он предпочел бы очутиться где-нибудь

подальше отсюда, и Кейт вдруг подумала, что не может этого допустить. Во всяком случае – не сегодня, не сейчас. И она продолжала наблюдать за тем, как он осторожно положил на тарелку два кусочка баранины с зеленым горошком и почти неловко двинулся вдоль буфетной стойки. Отчего-то он напомнил ей крупную птицу, широкие крылья которой мешают ей свободно ходить по земле.

Джо Олбрайт был всего в паре футов от нее, когда почувствовал, что за ним наблюдают. Оторвав взгляд от тарелки, он посмотрел на Кейт с высоты своего роста – посмотрел очень серьезно, даже строго, – и их глаза встретились.

Несколько мгновений они молча разглядывали друг друга. Потом Кейт слегка улыбнулась, и Джо начисто забыл о тарелке, которую держал в руках. Еще никогда ему не доводилось видеть девушки столь прекрасной и в то же время такой живой. Стоять рядом с ней было все равно что находиться возле какого-то очень сильного источника света, который согревал кожу и слепил глаза. Всего несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Джо отвел взгляд. Он даже опустил голову, но не отошел в сторону, поскольку внезапно обнаружил, что утратил всякую возможность двигаться. А еще через секунду он не выдержал и снова поглядел на нее.

– Не слишком ли скромный ужин для мужчины вашего сложения? – с очаровательной непосредственностью осведомилась Кейт и, еще раз лучезарно улыбнувшись, кивнула на его тарелку.

Похоже, она нисколько не смущалась, и Джо это неожиданно понравилось. Самому ему всегда было тяжело так запросто общаться с незнакомыми людьми.

– Я уже поужинал перед тем, как приехать сюда, – ответил он.

Приглядевшись к нему повнимательнее, Кейт решила, что этот человек явно не склонен к кревоугодию. Выглядел он очень подтянутым, почти худым, и, возможно, именно поэтому светло-бежевый смокинг сидел на нем не так уж ловко. Впрочем, Кейт почему-то сразу подумала, что смокинг Джо одолжил у кого-то из друзей или даже взял напрокат.

Ее догадка была совершенно правильной. Идти на бал Джо не хотелось, и он пытался отговориться отсутствием подходящей одежды, но друг нашел ему смокинг по росту, так что в конце концов ему пришлось покориться судьбе. Тем не менее он по-прежнему был готов отдать все, что угодно, лишь бы оказаться сейчас где-нибудь в другом месте, и всерьез подумывал о бегстве. Однако встреча с Кейт изменила его планы.

– Мне кажется, вам здесь не слишком нравится, – сказала она негромко, чтобы слышал только он. В ее голосе было столько неподдельного сочувствия, что Джо невольно улыбнулся в ответ.

– Как вы догадались?

– У вас был такой вид, словно вы собираетесь удрать. Вы так не любите вечеринки? – спросила Кейт, от души радуясь тому, что ее подруга из Уэллсли встретила кого-то из знакомых и отошла. Правда, вокруг по-прежнему толпились десятки людей, но они двое чувствовали себя словно на необитаемом острове.

– Не особенно, – честно признался Джо. – Во всяком случае, мне еще никогда не приходилось бывать на таких больших праздниках.

– Мне тоже, – кивнула Кейт, решив не уточнять, что в данном случае дело было не в ее предпочтениях или недостатке подходящих возможностей, а в возрасте. – Здесь очень мило, не так ли?

Заглянув в ее сияющие глаза, Джо улыбнулся почти помимо собственной воли. Ему не хотелось возражать, хотя он и был не совсем с ней согласен. С самого начала Джо думал только о том, как много вокруг народа, как душно и шумно в залах, а также о том, сколько полезных и приятных дел он успел бы сделать, если бы не необходимость находиться здесь, среди разря-

женных в пух и прах дамочек и надутых знаменитостей. Но теперь он был почти готов переменить свое мнение – для этого ему достаточно было поглядеть на Кейт.

– Да, по правде говоря, здесь очень неплохо, – сказал он, и Кейт впервые заметила, какого цвета у него глаза: они были почти такими же голубыми, как у нее, только чуточку темнее и напоминали два чистой воды сапфира. – ...И все – благодаря вам, – добавил Джо неожиданно.

В этом комплименте, высказанном с поистине мужской прямоотой, а также в том, как он смотрел на нее, было что-то такое, что Кейт поняла: это не пустые слова. Он действительно имел в виду нечто очень важное. И снова ей показалось странным, что все те, кто пытался ухаживать за нею сегодня, чувствовали себя на этом празднике куда свободнее, чем он, хотя большинство из них было минимум на десяток лет моложе.

– У вас красивые глаза, – сказал Джо, не скрывая своего восхищения.

Они действительно казались ему на удивление ясными, честными и мужественными, словно их обладательница не боялась никого и ничего. И это странным образом роднило их, хотя сам Джо вряд ли сказал бы про себя, что ничего не боится. Например, сегодняшняя вечеринка пугала его, он бы многое отдал, лишь бы не иметь дела с этой публикой. К тому моменту, когда Джо встретился с Кейт, он находился здесь чуть больше часа, однако у него было такое ощущение, что он по горло сыт и музыкой, и разговорами. Единственным, что поддерживало в нем мужество, была надежда на скорое бегство. Джо ждал только, когда друг, с которым он пришел сюда, разыщет его и скажет, что они могут уходить. Однако сейчас, после встречи с Кейт, все внезапно изменилось.

– Благодарю вас, – серьезно ответила Кейт, протягивая ему руку. – Меня зовут Кейт Джеммисон.

Джо взял тарелку в левую руку, а правую протянул ей.

– Джо Олбрайт. Не хотите ли немного перекусить?

Он явно был человеком немногословным и при этом – честным и открытым. Во всяком случае, говорил он только то, что считал нужным сказать, и Кейт по достоинству оценила это качество. Сама она тоже недолюбливала цветистые комплименты, равно как и ритуальные пляски вокруг того, что можно было выразить одним-двумя словами. Поэтому она просто кивнула в ответ, и Джо протянул ей чистую тарелочку, на которую Кейт положила крохотный кусок цыпленка и немного овощей. Несмотря на то что в последний раз она ела достаточно давно, Кейт почти не чувствовала голода – одно только возбуждение, вызванное праздничной обстановкой бала.

Не прибавив больше ни слова, Джо взял у нее тарелку и понес к одному из стоявших поблизости столов. Там они нашли два свободных стула и, сев друг напротив друга, принялись за еду. Беря в руки вилку, Джо неожиданно задумался о том, что заставило эту девушку обратить на него внимание – и не только обратить, но и заговорить с ним первой. Впрочем, он тут же решил, что, каковы бы ни были причины, это решение Кейт спасло ему безнадежно испорченный вечер.

– Вы многих здесь знаете? – спросил он. При этом он даже не оглянулся по сторонам, а смотрел только на нее, и Кейт невольно улыбнулась.

– Некоторых знаю. Я здесь с родителями, они-то, конечно, знакомы со многими, – объяснила она, удивляясь про себя тому, как скованно чувствует себя с ним. Для нее это было необычным состоянием, хотя тут же ей подумалось, что дело здесь не в обычном стеснении или робости. Откуда-то у нее появилось ощущение, что все, что она скажет или сделает – каждое ее слово, каждый взгляд и каждый жест, – все невероятно важно. С ним она просто *не могла* чувствовать себя так же свободно и легко, как с другими мужчинами. В Джо Олбрайте Кейт угадывала какую-то странную напряженность, цепкое внимание, которое было направлено на нее одну, и от этого ей казалось, что все внешнее, наносное, искусственное вдруг исчезло – осталось только настоящее.

– Так ваши родители тоже здесь, бедняги... – посочувствовал он, аккуратно нарезая баранину на кусочки и отправляя их в рот.

– Да, они где-то здесь. Я не видела их уже довольно давно.

Кейт не стала говорить, что ее родители на подобных балах прекрасно себя чувствуют. Элизабет, приходя на вечеринку, имела обыкновение забираться в укромный уголок с несколькими близкими друзьями и беседовать с ними часами напролет. Она даже не танцевала, а коктейли приносил ей Кларк, который старался не отходить от жены слишком далеко.

– Мы приехали в Нью-Йорк из Бостона, нас пригласили друзья, – добавила Кейт, надеясь таким образом подтолкнуть своего нового знакомого к продолжению разговора.

Джо кивнул.

– Значит, вы живете в Бостоне? – уточнил он, пристально ее разглядывая.

Что-то в Кейт интриговало его чрезвычайно. Джо сам не понимал, в чем тут дело – то ли в ее манере говорить и держаться, то ли в том, как она смотрела на него. Во всяком случае, эта девушка казалась ему спокойной и умной, к тому же ее явно интересовало, что он скажет. Как правило, Джо чувствовал себя не особенно уютно с людьми, которые обращали на него слишком много внимания, но Кейт, как видно, была исключением. К тому же, кроме ума, выдержки и безупречных манер, она была наделена еще одним важным качеством – поразительной красотой.

– Да, – кивнула она. – А вы? Вы здешний?

Кейт давно забыла о цыпленке: во-первых, потому что не была голодна, а во-вторых, потому что ее действительно очень занимало все, что он говорил.

– Нет. Я родился в Миннесоте, а в Нью-Йорке живу только последние полтора года. Ну а вообще я побывал во многих местах – в Нью-Джерси, Чикаго, Новом Орлеане... Два года я провел в Германии, потом работал в Англии, а сейчас собираюсь в Калифорнию. Словом, я могу жить где угодно – лишь бы поблизости было летное поле.

Похоже, он ждал, что она сразу поймет его последние слова, и Кейт действительно поглядела на него с новым интересом в глазах.

– Вы много летаете? – спросила она и тут же заметила, что Джо очень доволен ее догадкой. Он даже как будто слегка расслабился.

– Да, летаю я порядочно, – согласился он. – А вы когда-нибудь летали на самолете, Кейт?

Он впервые назвал ее по имени, и Кейт неожиданно понравилось, как оно звучит в его устах. В том, как Джо произнес его, было что-то по-дружески теплое, хотя буквально несколько секунд назад она сомневалась, расслышал ли он, как ее зовут, и если расслышал, то запомнил ли. Меньше всего Кейт хотелось думать о своем новом знакомом плохо, однако, если судить по первому впечатлению, Джо был очень похож на человека, способного мгновенно забыть то, что ему не нужно и не интересно.

– В прошлом году мы с родителями летели самолетом в Калифорнию, чтобы пересечь на пароход до Гонконга, – сказала она. – Но обычно мы путешествуем поездом или на пароходе.

– Судя по всему, вам пришлось много ездить по свету. Можно узнать, каким ветром вас занесло в Гонконг?

– У папы там были дела. В Гонконге и в Сингапуре. Это очень интересные страны, и мне там понравилось. До этого я бывала только в Европе.

Элизабет заранее позаботилась о том, чтобы Кейт выучила итальянский и французский языки. Говорила она также по-немецки, но гораздо хуже: лающие звуки этого языка давались ей с большим трудом. Однако Кейт не сдавалась, продолжая упорно заниматься, и родители поддерживали ее в этом. Кларк часто говорил, что она, быть может, выйдет замуж за дипломата; при этом если он и шутил, то только отчасти. Выдать дочь за посла было его мечтой: он считал, что из Кейт выйдет отличная «дипломатическая жена», и подсознательно готовил ее к этому.

– Значит, вы летчик? – спросила Кейт, и ее глаза, широко раскрывшиеся от удивления и восторга, впервые выдали ее возраст.

Джо снова улыбнулся.

– Да, летчик.

– А какой авиакомпании?

Кейт смотрела на него с неподдельным интересом – у нее еще никогда не было знакомых летчиков. Да и вообще, среди всех ее знакомых не было никого, кто хотя бы отдаленно напоминал Джо, и ей захотелось узнать о нем побольше. Кейт не смущало, что в нем почти не было внешнего лоска, которым отличались молодые люди из ее привычного окружения, хотя и назвать Джо человеком не ее круга у нее не поворачивался язык. Напротив, он производил впечатление человека, которого с готовностью приняли бы в высшем свете; другое дело, что сам он как будто не особенно к этому стремился. И совсем не потому, что был излишне застенчив или замкнут, – Кейт была уверена, что Джо в состоянии сам о себе позаботиться и справиться с любой, даже самой сложной ситуацией. Очевидно, признание света было ему не особенно нужно.

Но, как бы то ни было, ему очень шло водить самолет. Эта профессия всегда казалась Кейт мужественной и романтической.

– Я не работаю ни на одну авиакомпанию, – ответил Джо. – Я испытываю новые самолеты и, кроме того, сам их конструирую. Точнее, дорабатываю так, чтобы они могли летать с большей скоростью и были надежнее.

На самом деле его работа была много сложнее, однако Джо решил, что пускаться в подробности не имеет смысла.

– А вы когда-нибудь встречали Чарльза Линдберга¹? – с интересом спросила Кейт.

Джо мог бы ответить, что не только встречал, но что именно в его смокинге он пришел на эту вечеринку. Больше того, сам Чарльз Линдберг тоже был здесь, хотя – как и Джо – никакого удовольствия от этого не испытывал. Прославленный авиатор должен был приехать на бал с женой, но Анна осталась дома с больным ребенком, и Чарльз упросил Джо отправиться с ним для компании. Но в самом начале вечеринки Джо потерял своего друга из вида и теперь нигде не мог найти. Чарльз Линдберг терпеть не мог официальные приемы и тому подобные светские мероприятия, и Джо был уверен, что теперь он отсиживается в каком-нибудь укромном уголке и считает минуты, оставшиеся до конца торжества.

– Да, мы встречаемся довольно часто, – сказал Джо. – Мы вместе работали над одним важным проектом и вместе летали в Германии.

Он не сказал, что Линдберг находится в Нью-Йорке из-за него и что в самое ближайшее время они вместе отправятся работать в Калифорнию. Для него знаменитый пилот был не только другом, но и наставником. Они познакомились несколько лет назад на летном поле в Иллинойсе, когда Линдберг находился в зените славы, а Джо был просто никому не известным мальчишкой, который еще ни разу не садился за штурвал и только мечтал о небе. Теперь же в своей профессиональной сфере Джо пользовался почти такой же высокой репутацией, как и его старший товарищ, однако широкой публике его имя мало что говорило. Впрочем, в последнее время Джо становился все более известным – правда, отнюдь не благодаря тому, что начал сознательно стремиться к славе. Просто пресса не могла обойти вниманием несколько поставленных им рекордов, а трюки, которые были недоступны большинству пилотов, он исполнял играючи. Сам Чарльз Линдберг не раз признавал, что Джо давно превзошел его в летном

¹ Линдберг, Чарльз (1902–1974) – американский авиатор и общественный деятель, в 1927 году установил рекорд скорости во время трансконтинентального перелета из г. Сан-Диего, Калифорния, на Лонг-Айленд. В том же 1927 году впервые в мире совершил беспосадочный перелет через Атлантику на одноместном моноплане. (*Здесь и далее – примеч. пер.*)

мастерстве, но это, однако, нисколько не повлияло на их отношения. Они остались близкими друзьями и продолжали питать друг к другу самое глубокое и искреннее уважение.

– Должно быть, мистер Линдберг очень интересный человек... – проговорила Кейт задумчиво.

– Кстати, он сейчас где-то здесь, – небрежно откликнулся Джо. – Чарли собирался прийти сюда с женой, но у них заболел ребенок, и Анне пришлось остаться дома.

– Я слышала, что миссис Линдберг тоже очень милая женщина. Какая ужасная история произошла с другим их малышом!² Наверное, для них это была настоящая трагедия?!

– О-о, у них еще много детей! – шутливо сказал Джо, желая отвлечь Кейт от столь грустной темы, но ее это заявление откровенно шокировало. Ей казалось – не имеет значения, у кого сколько детей, потому что ребенок, которому угрожает опасность, всегда самый любимый и самый дорогой. А что, если и этот малыш умрет?.. Нет, дальше она думать не осмеливалась.

– Я кое-что знаю об их семье – по газетам, естественно. Они оба – удивительные люди, – просто сказала она, и Джо кивнул. Слава и уважение, которым пользовался его друг, казались ему вполне заслуженными.

– А что вы думаете о войне в Европе? – неожиданно спросила Кейт.

Джо нахмурился. Он знал о том, что около двух месяцев назад конгресс проголосовал за закон о мобилизации, и считал, что этот закон может иметь самые серьезные последствия. Джо ненадолго задумался, пытаясь решить, насколько серьезно можно говорить с этой юной девушкой о вещах, которые всегда считались прерогативой мужчин.

– Ситуация в Европе складывается взрывоопасная, – промолвил он наконец. – Да вы, наверное, и сами знаете... Боюсь, скоро она вырвется из-под контроля, и тогда... тогда большая война неизбежна. Что касается Соединенных Штатов, то мы можем оказаться втянутыми в конфликт помимо своей воли.

Джо начал задумываться об этом еще в августе, когда услышал о боевых действиях в Польше. А теперь германские самолеты регулярно бомбили Лондон. На рейды вражеской авиации Королевские ВВС отвечали бомбежками немецких городов, однако главной задачей британцев была оборона собственного острова. Именно за этим Джо и приглашали в Англию. Он консультировал английских авиаинженеров и испытывал английские самолеты, стараясь повысить их живучесть в борьбе с опытными асами люфтваффе. Кое-каких успехов им удалось достичь, и все равно ночные налеты продолжались, и в британской столице уже погибли тысячи людей. Кейт не могла этого не знать, поэтому Джо весьма удивила горячность, с которой она поспешила ему возразить.

– Но ведь Рузвельт обещал, что Соединенные Штаты не примут участия в войне! – воскликнула девушка.

– А вы действительно этому верите? Даже после того, как мобилизация уже практически объявлена? Никогда не следует особенно полагаться на то, что пишут газеты, – можно сесть в лужу. Что касается меня, то я почти уверен: рано или поздно нам придется принять участие в этой войне.

Сам Джо несколько раз задумывался о том, чтобы вступить добровольцем в Королевские Военно-воздушные силы Великобритании. Однако работа, которую он делал вместе с Чарльзом Линдбергом, была гораздо важнее нескольких германских самолетов, которые ему удалось бы сбить над Ла-Маншем. От того, как они с ней справятся, зависели сила и мощь американского воздушного флота в грядущей войне, поэтому Джо решил, что должен остаться дома. Чарльз Линдберг, с которым Джо не раз говорил об этом, разделял его точку зрения, хотя и был горячим противником вступления США в войну. Как бы там ни было, буквально после

² Имеется в виду сенсационное дело о похищении полуторагодовалого сына Чарльза Линдберга с целью получить выкуп. Деньги передать удалось, но ребенок к этому времени был уже мертв. Произошло это в 1932 году.

Нового года оба собирались отправиться в Калифорнию, чтобы испытывать новые самолеты – истребители и штурмовики, которые могли пригодиться их стране при любом варианте развития событий.

– Я очень надеюсь, что вы ошибаетесь, – негромко сказала Кейт.

И она действительно на это надеялась, ибо война означала, что все красивые молодые люди, которые сейчас беззаботно смеялись, болтали, ухаживали за дамами, наденут военную форму и отправятся на фронт, где им будет грозить смертельная опасность. Кроме того, ей было ясно, что весь мир, каким она его знала, непременно изменится, кто бы ни победил в той большой войне, которую предсказывал Джо.

– Вы правда думаете, что нам придется вступить в войну? – снова спросила она, не скрывая своей тревоги. На мгновение Кейт даже забыла о том, что находится на балу, потому что вещи, которые они обсуждали, были куда более серьезными.

– Да, Кейт, я так думаю. Больше того, я в этом уверен, – твердо сказал Джо, и Кейт неожиданно подумала, что ей нравится выражение его глаз, появившееся в тот момент, когда он назвал ее по имени. И это было далеко не все, что ей в нем нравилось...

И тут Кейт сделала нечто такое, чего никогда прежде себе не позволяла. Да и сейчас не позволила бы – во всяком случае, ни с кем другим. Но с Джо Олбрайтом она чувствовала себя просто на удивление легко и свободно, словно обрела в его лице близкого друга.

– Давайте пойдем в зал и немного потанцуем, – предложила она.

С точки зрения Кейт, в этом не было ничего зазорного, однако Джо отчего-то стеснялся. Он даже отвернулся от нее и несколько секунд сосредоточенно разглядывал собственную тарелку. Наконец он снова поднял голову и смущенно пробормотал:

– Я не умею.

К его огромному облегчению, Кейт не стала смеяться. Она лишь удивленно приподняла брови.

– Не умеете? Так я вас научу! Это очень просто: нужно лишь переступить ногами под музыку и стараться не налетать на другие пары. И еще улыбаться так, словно вы занимаетесь приятнейшим делом. Ну, идемте?..

– Может, лучше не стоит? Я отдавлю вам все ноги, – с сомнением отозвался Джо, думая о том, что танцевать с ней, наверное, действительно самое приятное занятие в мире. – Да и вам, очевидно, пора – друзья, должно быть, уже заждались вас, – добавил он.

Джо Олбрайт уже не помнил, когда говорил с кем-нибудь так долго, в особенности – с девушками ее возраста, о котором, впрочем, он по-прежнему не имел никакого понятия. Ему было ясно только, что она младше его; о том же, сколько ей может быть лет, он не задумывался.

– Может быть, я вам надоела? В таком случае простите, я не хотела быть назойливой, – сказала Кейт озабоченно. Ей в самом деле показалось, что Джо не терпится от нее избавиться, и она испугалась, уж не оскорбила ли его своим предложением потанцевать.

– Проклятье, нет, конечно!.. – воскликнул Джо и тут же прикусил язык.

Подобные слова не пристало употреблять в разговоре с леди, но он слишком привык к ним, постоянно вращаясь в грубом мужском мире. Этот мир авиационных ангаров, аэродромов, заправщиков и механиков был единственным местом, где Джо чувствовал себя как дома. Однако сейчас он неожиданно поймал себя на том, что ему нравится сидеть здесь и беседовать с этой молодой женщиной в голубом атласном платье и изящных, в тон платью, бальных туфельках.

И это казалось ему настолько неправдоподобным, что он даже не удивился.

– Нет, мне несколько с вами не скучно, – сказал он. – Просто я подумал, что, если вы хотите танцевать, вам лучше выбрать себе в партнеры кого-то, кто умеет это делать.

– Я и так уже танцевала сегодня достаточно много, – объяснила Кейт и тихонько вздохнула, кляня себя за то, что зря потратила столько времени и вышла в банкетный зал только теперь. Впрочем, жалеть было глупо – ведь и Джо пришел сюда совсем недавно.

– А что вы любите делать в свободное время? – поинтересовалась она.

Джо пожал плечами.

– Летать, – ответил он со смущенной улыбкой и не покривил душой: авиация была его единственной страстью. – А вы? Что любите вы?

– Мне нравится читать, путешествовать и играть в теннис. А зимой я люблю кататься на лыжах. Когда я была маленькая, я каталась и на коньках и даже мечтала играть в хоккей, но мама мне не разрешила.

– Очень мудро с ее стороны: ведь вы могли остаться без зубов, – вставил Джо, которому, впрочем, было уже ясно, что в хоккей Кейт никогда не играла – настолько ослепительной была ее улыбка. – А машину вы водите?

Он откинулся на спинку стула и неожиданно подумал, что, пожалуй, мог бы научить ее водить самолет за два-три занятия. Нет, лучше за пять занятий.

Кейт улыбнулась.

– Я получила водительскую лицензию в прошлом году, когда мне исполнилось шестнадцать. Но папе не нравится, когда я беру машину. Он считает, что я вожу кошмарно, хотя сам учил меня, когда мы летом отдыхали на мысе Код. Там почти нет движения и водить гораздо проще.

Джо удивленно взглянул на нее, и лицо его слегка вытянулось.

– Простите, но... Сколько же вам лет?

Он был уверен, что его собеседнице лет двадцать, быть может – чуть больше. Во всяком случае, выглядела она достаточно взрослой, да и держалась на редкость уверенно.

– Семнадцать. Восемнадцать мне исполнится только через несколько месяцев. А вы думали, мне сколько? – Его удивление неожиданно польстило Кейт.

– Ну-у, не знаю, право... Может быть, года двадцать два – двадцать три... – Джо хмыкнул. – Девочек вроде вас нельзя выпускать в свет в таких платьях – они очень легко могут сбить с толку старых дураков вроде меня.

Но он вовсе не выглядел старым, особенно когда улыбался или смущался. В последнем случае Джо вообще напоминал мальчишку, обманом втиснувшегося в общество взрослых и уличенного в этом. Вот уже несколько раз Кейт замечала, как он в смущении отводил глаза и, только справившись с собой, снова поднимал голову. Эта непонятная стеснительность ей очень нравилась, хотя Кейт и казалось, что такой человек, как он, должен был бы лучше адаптироваться в обществе – в любом обществе.

– А сколько лет вам, Джо?

– Двадцать девять, скоро будет тридцать. А летаю я с шестнадцати лет. Кстати, что бы вы сказали, если бы я предложил вам как-нибудь покататься на самолете? Впрочем, ваши родители, наверное, будут против... – добавил он, и его лицо омрачилось.

– Мама точно будет против, – кивнула Кейт. – А вот папе ваше предложение скорее всего понравится. Он просто боготворит мистера Линдберга и считает, что у авиации – большое будущее.

– Что ж, это существенно упрощает дело. Быть может, когда-нибудь я даже поучу вас водить самолет. Поверьте, это не опаснее, чем играть в хоккей...

Тон его был шутивым, но взгляд мечтательно затуманился. Джо еще никогда не приходилось обучать летному искусству девушек, хотя он знал много пилотов-женщин. В числе его друзей были и Амелия Эрхарт, без вести пропавшая три года назад над Тихим океаном, и Эдна Гарднер Уайт, с которой он несколько раз поднимался в воздух. На его взгляд, эта женщина летала не хуже Чарльза, в ее послужном списке было несколько головокружительных рекордов

и побед в воздушных гонках. Теперь она готовила военных летчиков и слыла очень квалифицированным инструктором.

– А вы когда-нибудь бываете в Бостоне? – с надеждой спросила Кейт, и Джо снова улыбнулся. Теперь он знал, сколько ей лет, однако от этого его интерес к ней не стал нисколько меньше. Напротив, он гадал, как удастся Кейт быть одновременно такой юной и такой чарующе-женственной.

– Иногда. На мысе Код живут мои друзья. В прошлом году я останавливался у них, когда... словом, провел там некоторое время. Но ближайшие несколько месяцев мне придется провести в Калифорнии, так что я лучше позвоню вам, когда вернусь. Быть может, ваш отец тоже захочет немного полетать с нами.

– Папа обязательно захочет, – сказала Кейт убежденно.

Предложение Джо пришлось ей по душе, и единственное, о чем она думала, это о том, как бы уговорить маму. Впрочем, ей тут же пришло в голову, что Джо может и не позвонить. Даже скорее всего не позвонит.

– А вы все еще учитесь в школе? – поинтересовался Джо.

Сам он бросил школу в четырнадцать, и всем, что теперь знал, был обязан своей любви к самолетам. Когда Чарльз Линдберг взял его под свое крыло, он настоял, чтобы Джо непременно доучился, и ему пришлось снова взяться за учебники. Сначала Джо было нелегко: он многое позабыл, да и никогда особенно не любил сидеть за книжками. Однако со временем он втянулся и к двадцати годам закончил не только полный школьный курс, но и технический колледж при Массачусетском технологическом институте.

Кейт кивнула.

– Да, мне осталось еще полгода. А осенью я пойду учиться в колледж.

– Вы уже решили – в какой?

Она улыбнулась.

– Пока не знаю. Мне бы хотелось учиться в Рэдклиффе, но мой папа закончил Гарвард, поэтому он хотел бы, чтобы я поступила туда. Нет, я вовсе не против, к тому же и Рэдклифф, и Гарвард находятся в Кембридже под Бостоном – совсем близко к тому месту, где мы живем. А вот маме хотелось бы, чтобы я училась в Вассаре, потому что в свое время она обучалась именно там, так что на всякий случай я написала заявление и туда. Но вообще-то я предпочла бы учиться в Бостоне. Или, на худой конец, в Нью-Йорке, в колледже Барнарда. Мне очень нравится этот город, а вам?

Вопрос был задан с очаровательной непосредственностью, и Джо был застигнут врасплох.

– Не знаю, что и сказать... Признаться, я люблю маленькие провинциальные городки.

Кейт внимательно посмотрела на него – она не была уверена, что это правда. Скорее всего, таков был его сознательный выбор – ведь Джо наверняка сам был родом из какого-то крохотного заштатного городишки или даже поселка, где остались его корни, его привязанности. Вместе с тем что-то подсказывало Кейт, что Джо давно перерос собственную провинциальность. Он стал фигурой иного масштаба, для которой были тесны маленькие города и поселки с их неторопливой, размеренной жизнью. Быть может, сам Джо этого еще не осознал, но Кейт это было ясно как день.

Они все еще обсуждали достоинства Бостона и Нью-Йорка в сравнении с другими городами, когда в банкетном зале появился Кларк Джемисон, и Кейт представила их с Джо друг другу.

– Прошу меня простить, что-то я сегодня слишком разболтался, – извинился Джо, пожимая протянутую руку Кларка.

К тому моменту, когда отец Кейт появился в банкетном зале, их разговор продолжался уже без малого два часа, и Джо боялся, что Кларк будет недоволен – ведь Кейт, в конце концов, было всего семнадцать лет. Но тот только улыбнулся и сказал:

– Насколько я знаю собственную дочь, вашей вины в этом нет. Наша Кейт очень общительна – такой уж у нее характер. Я сразу догадался, что она нашла себе очередную жертву и теперь «обрабатывает» ее. Надеюсь, она не очень вас утомила, мистер Олбрайт?

Когда Кейт представила ему Джо, Кларк был и удивлен, и польщен одновременно. Из газет он знал, что Джо Олбрайт – один из лучших летчиков страны, и теперь гадал, знает ли Кейт, кто перед нею. Если верить прессе, то своей славой он почти сравнялся с легендарным Линдбергом – особенно после того, как выиграл трансконтинентальную воздушную гонку на «Мустанге-П-51».

– Джо пригласил нас как-нибудь полетать с ним на самолете, – сказала Кейт. – Как ты думаешь, мама будет очень возражать?

– «Очень» – это еще мягко сказано, – рассмеялся Кларк. – Впрочем, попробую ее убедить. – Он повернулся к Джо: – Спасибо за предложение, мистер Олбрайт, это было очень любезно с вашей стороны. Кстати, я ваш поклонник. Ваш последний перелет – это нечто совершенно фантастическое!

Нежданная похвала смутила Джо, он даже слегка покраснел, однако ему было приятно, что Кларк Джемисон слышал о нем. В отличие от Чарльза, он старательно избегал прессы, однако в последнее время делать это ему становилось все труднее и труднее.

– Да, полет был удачный... – сказал он, неловко переминаясь с ноги на ногу. – Жаль только, что в этой гонке не участвовал мой друг Чарльз Линдберг – тогда первое место было бы, конечно, его. Но, к сожалению, Чарли в это время заседал в Национальном комитете по воздухоплаванию.

Кларк машинально кивнул – скромность знаменитого летчика произвела на него должное впечатление.

Мужчины как раз разговаривали о развитии событий в Европе, когда к ним присоединилась мать Кейт. Она сказала, что уже поздно, что ей хочется вернуться в отель, и Кларк, едва успев представить Джо жене, тут же начал прощаться. Перед тем как уйти, он вручил ему свою визитную карточку и сказал:

– Позвоните, если когда-нибудь окажетесь в Бостоне. Мы будем очень рады. – И добавил, хитро улыбаясь: – А если ваше предложение все еще останется в силе, мы постараемся что-нибудь предпринять. В крайнем случае, им воспользуюсь я один.

Он подмигнул Джо, и тот рассмеялся, а Кейт улыбнулась. Судя по всему, Джо очень понравился ее отцу.

Мужчины пожали друг другу руки, и Джо сказал, что попробует отыскать Линдберга. Тепло попрощавшись с Элизабет, он повернулся к Кейт.

– Был очень рад познакомиться с вами, Кейт, – промолвил он, пристально глядя ей в глаза. – Надеюсь, мы еще увидимся.

Кейт почему-то сразу поняла, что это было сказано не из простой вежливости и что Джо действительно хотел бы когда-нибудь снова встретиться с ней. Впервые в жизни она не знала, что сказать, поэтому только улыбнулась. В Джо было нечто такое, что делало его не похожим ни на кого из трех сотен присутствующих на балу мужчин. Впрочем, она сразу поняла, что имеет дело с человеком незаурядным.

– Желаю вам удачи в Калифорнии, – сказала она наконец, гадая про себя, увидятся ли они когда-нибудь вновь.

Несмотря ни на что, Кейт вовсе не была уверена, что Джо позвонит. Его нельзя было назвать необязательным человеком – просто он принадлежал совсем к другому миру и все его надежды и стремления лежали в области, к которой Кейт не имела никакого отношения. Вот почему ей казалось маловероятным, что прославленного авиатора может всерьез заинтересовать семнадцатилетняя девчонка.

– Спасибо, Кейт, – ответил он. – Надеюсь, вы поступите в Рэдклифф. Нет, я просто уверен в этом. Тамашняя администрация будет просто счастлива иметь такую студентку.

Джо пожал ей руку, и Кейт невольно опустила глаза под его пристальным взглядом. Казалось, он пытается запечатлеть ее черты в своей памяти в мельчайших подробностях. Это было очень странное ощущение – странное, незнакомое и немного пугающее, – однако, несмотря на это, Кейт чувствовала, что действительно хочет, чтобы он ее запомнил.

– И вам спасибо, – прошептала она в ответ.

Неловко поклонившись, Джо повернулся и растворился в толпе.

– Поистине он великий летчик и удивительный человек! – сказал Кларк, провожая Джо взглядом. – Вы, женщины, хотя бы знаете, кто такой Джо Олбрайт?

И пока они одевались в просторном вестибюле, Кларк рассказал жене и дочери обо всех достижениях и победах Джо, о поставленных им рекордах и фигурах высшего пилотажа, которые он сам придумывал и исполнял. Кларк так много знал о Джо Олбрайте, потому что в юности сам мечтал о небе и продолжал следить за всеми новинками современного самолетостроения. Кейт слушала отца и вспоминала разговор с Джо. Как ни странно, поставленные им рекорды и его известность значили для нее очень мало, хотя она и отдавала должное его храбрости и мастерству. Этот человек заинтересовал ее в первую очередь не как великий летчик, а как личность. Его воля, упорство, скрытая сила и даже его застенчивость – все это запало ей в душу достаточно глубоко. Теперь же, когда Джо ушел, а вернее – вернулся в свой мир, к которому принадлежал и где было его место, – Кейт вдруг осознала, что он забрал с собой частичку ее сердца.

И единственное, о чем она могла думать, глядя из окна такси на заваленные снегом улицы, это о том, увидятся ли они когда-нибудь...

Глава 2

Как Кейт и предвидела, Джо не позвонил ни после Рождества, ни после Нового года, ни даже через несколько месяцев после памятного бала. Она не верила, что он мог потерять визитную карточку ее отца, – следовательно, дело было в чем-то другом.

Кое-какие сведения Кейт, впрочем, получала. Она начала регулярно читать газеты, выискивая статьи о нем, и чаще всего находила. По радио тоже передавали сообщения о воздушных гонках, которые неизменно выигрывал «наш замечательный чемпион», «талантливый летчик мистер Джо Олбрайт». Так она узнала, что он поставил несколько новых рекордов скорости и дальности полетов и даже разработал вместе с Датчем Киндельбергером самолет улучшенной конструкции. Впрочем, это известие скорее огорчило ее, чем обрадовало. Теперь Кейт с особенной ясностью сознавала, насколько далек тот мир, в котором вращался Джо, от всего, что было ей привычно и знакомо. Несомненно, он забыл ее, и даже если они когда-нибудь снова встретятся, он, наверное, даже не сразу ее узнает...

Кейт с грустью думала о том, что та вселенная, к которой принадлежит Джо, отстоит на миллионы световых лет от маленького клочка твердой земли, который она считала своим домом. Ему принадлежало все огромное небо, и Кейт не знала, как позвать его оттуда. С течением времени ей стало совершенно ясно, что она никогда больше не увидит Джо. До конца жизни она будет читать о его успехах в газетах и вспоминать те два часа, которые они провели вместе, но снова встретиться с ним лицом к лицу ей, скорее всего, не суждено.

В апреле Кейт получила уведомление о том, что ее приняли в Рэдклифф, и – как и ее родители – была на седьмом небе от счастья. Между тем пожар войны в Европе разгорался все сильнее, и Кейт часто разговаривала об этом с отцом. Кларк по-прежнему был уверен, что президент Рузвельт не допустит участия Соединенных Штатов в войне, но, хотя Кейт привыкла верить отцу, сообщения радио и газет вселяли в нее все большую тревогу. Двое молодых людей из числа ее знакомых уже вступили добровольцами в британские ВВС, и их письма, которые она изредка получала, содержали мало успокоительного. Экспедиционный корпус генерала Роммеля в Северной Африке выигрывал одно сражение за другим, Германия вторглась в Грецию, Италия объявила войну Югославии. Продолжались и налеты люфтваффе на Лондон, где ежедневно гибло под бомбами до двух тысяч человек.

Из-за войны Джемисоны не смогли поехать отдыхать в Европу, поэтому второе лето подряд Кейт проводила на мысе Код. Там у Кларка был летний домик с садом, где Кейт отдыхала еще в детстве. Осенью ей предстояло начать учебу в колледже, и поэтому она ждала лета с особым нетерпением. Элизабет планировала прожить на даче до сентября, что же касалось Кларка, то он, как и всегда, собирался жить с ними во время отпуска, а в остальное время – навещать их по выходным.

Это было чудесное солнечное лето, до краев заполненное теннисом, гольфом, танцевальными вечеринками и длинными прогулками с друзьями вдоль океанского берега. Кейт каждый день ходила купаться на пляж и вскоре познакомилась с двумя очень симпатичными молодыми людьми, своими ровесниками, один из которых только что поступил в Дартмурский колледж, а другой – на первый курс Йельского университета. Оба юноши были хорошо воспитанными, в меру остроумными и предпочитали спортивные игры любым видам интеллектуального досуга. Кейт без труда освоилась в их обществе, и они много времени проводили вместе. От постоянного пребывания на свежем воздухе Кейт окрепла и загорела, ее темно-каштановые волосы выцвели на солнце и приобрели красивый золотистый оттенок, а глаза, напротив, казались темнее, словно в них отразилась синева океана.

Единственным, что омрачало ее беззаботное существование, были новости из Европы, которые день ото дня становились все тревожнее. Германские войска оккупировали Крит, про-

должала литься кровь в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а над Мальтой сражались за господство в воздухе итальянская и английская воздушные армии. В конце июня Германия без объявления войны напала на Россию, а еще месяц спустя началась японская агрессия в Индокитае.

Когда Кейт удавалось отвлечься от мыслей о войне, она начинала думать о предстоящей учебе, до которой оставались считанные дни, и тогда ее охватывало радостное возбуждение. Впрочем, она не считала возможным его особенно демонстрировать. И одной из причин этого было то, что большинство ее школьных подруг предпочли не учиться дальше. Хотя после выпускного вечера прошло немногим более двух месяцев, две девушки из ее класса успели выскочить замуж, и еще три объявили о своей помолвке, так что порой Кейт в свои восемнадцать чувствовала себя почти что старой девой. Она знала, что в течение года-двух абсолютное большинство ее одноклассниц успеет создать семью, а некоторые даже станут матерями. Однако, как ни неловко ей было чувствовать себя отбившейся от стада овечкой, Кейт решила не спешить с замужеством. Она была вполне согласна с отцом, утверждавшим, что иметь образование всегда лучше, чем не иметь.

Единственное, чего Кейт пока не знала, это какую специализацию ей выбрать. Если бы мир был устроен чуточку иначе, она предпочла бы право, однако ей было совершенно ясно, что это потребовало бы от нее слишком больших жертв в будущем. Женщина-юрист, всерьез занятая своей карьерой, почти не имела шансов выйти замуж. Поскольку мир юриспруденции традиционно считался чисто мужским, от женщины, избравшей своей профессией служение закону, требовались колоссальные усилия и полная самоотдача, чтобы завоевать среди коллег-мужчин уважение и авторитет. Посвятить все свое время, всю себя работе, карьере?.. Но стоит ли овчинка выделки? В конце концов Кейт решила, что не стоит, однако, кроме права, ни одна из предлагаемых в колледже специализаций ее не привлекала. Она могла, разумеется, изучить что-то вроде истории искусств или литературы, а заодно углубить свои познания в области французского или итальянского языков. С таким багажом ее всегда могли бы взять на преподавательскую работу, однако и этот путь не особенно вдохновлял Кейт. Родители тоже не могли ничего ей посоветовать, ибо оба были уверены, что Кейт скоро выйдет замуж, и рассматривали учебу в колледже только в качестве одного из способов с пользой скоротать время, пока их дочь будет дожидаться подходящего жениха.

За время, прошедшее с тех пор, как Кейт познакомилась с Джо, его имя не раз упоминалось в ее разговорах с родителями, но отнюдь не в качестве возможного претендента на ее руку и сердце. Когда в газете появлялась очередная статья о новом головоломном рекорде или ином достижении Джо, Кларк с удовольствием пересказывал ее содержание жене и дочери. Элизабет, правда, относилась к этому довольно равнодушно, но Кейт с отцом обсуждали новость долго и горячо. После того как Кларк лично познакомился с отважным летчиком, он стал проявлять к Джо еще более живой интерес, так что разговоры о нем заходили довольно часто.

Впрочем, Кейт не нуждалась в напоминаниях – она не забыла Джо, хотя за девять прошедших месяцев он ей так ни разу и не позвонил. С самого начала она воспринимала Джо как одного из самых неординарных людей, каких только встречала в жизни, однако теперь воспоминания о нем отступили на задний план, а их место заняли более реальные заботы – такие, например, как предстоящая учеба в колледже или отношения с новыми друзьями.

В последний уик-энд лета Кейт с родителями отправились на традиционную вечеринку с барбекю, которую старались посещать каждый год, даже если проводили лето в Европе. Вечеринку устраивали их ближайшие соседи – пожилые, но еще очень энергичные супруги, с которыми Кларк был знаком уже лет сорок или около того. На этот импровизированный праздник закрытия летнего сезона собирались чуть ли не все жители дачного поселка – молодые и старые, дети и их родители. На берегу разводили огромный костер, ставили столы и скамейки для стариков, а молодежь плясала на песке под звуки приемника или патефона.

Кейт стояла у костра с группой приятелей и поджаривала в огне разрезанный на кусочки корень алтея, предварительно нанизав его на тонкую обструганную палочку. У костра было довольно жарко, и в конце концов Кейт, шагнув назад, наступила кому-то на ногу. Она поспешно обернулась, чтобы извиниться, хотя и знала, что вряд ли причинила кому-то серьезное увечье – по случаю теплой погоды Кейт была босиком. Но, подняв глаза, она застыла в немом изумлении, ибо перед ней был Джо Олбрайт собственной персоной.

Кейт так и замерла, продолжая держать над огнем палочку с кусочками алтея. Они уже начинали тлеть, и Джо ухмыльнулся.

– Будьте поосторожнее с этой штукой, пока вы кого-нибудь не подпалили, – сказал он.

– Что вы здесь делаете?! – вырвалось у Кейт.

– Жду, пока кто-нибудь угостит меня печеным алтеем, – ответил Джо все так же шутливо. – Боюсь только, что ваш уже никуда не годится.

Действительно, пока Кейт во все глаза таращилась на него, корни алтея окончательно обуглились и превратились в несъедобные головешки, но ее это совершенно не огорчило. Главное, перед ней был он, Джо Олбрайт, а не призрак и не видение. Он стоял, засунув руки в карманы защитного цвета брюк, и, прищурившись, разглядывал Кейт своими синими, как вечернее небо, глазами. Джо тоже был босиком; кроме закатанных до колена брюк, на нем была только тонкая хлопчатобумажная тенниска с завязками вместо пуговиц на вороте.

– Вы вернулись из Калифорнии? Когда? – спросила Кейт, чувствуя, как между ними снова возникает это странное притяжение, которое она ощутила еще тогда, на декабрьском балу. И точно так же, как тогда, Кейт совершенно забыла об окружающих их людях, о своих друзьях и даже о родителях, которые были совсем рядом – по другую сторону костра.

– А я и не возвращался, – ответил Джо и улыбнулся: он был ужасно рад снова видеть ее. – Я все еще там, и, боюсь, это продлится довольно долго – несколько месяцев как минимум. Мне удалось вырваться всего на несколько дней. Кажется, в прошлый раз я говорил вам, что один из моих друзей имеет обыкновение отдыхать здесь? У него скоро день рождения, вот я и приехал, чтобы его поздравить. Хорошо, что я вас встретил, – я собирался позвонить вашему отцу во вторник и сообщить, что мое предложение остается в силе. А как вы? Уже учитесь?

– Занятия начнутся на будущей неделе, – рассеянно проговорила Кейт.

Она продолжала рассматривать Джо, и ей было очень трудно сосредоточиться на его словах. Он сильно загорел и стал как будто еще выше, его волосы были коротко подстрижены. Теперь, когда на нем не было смокинга с чужого плеча, Кейт хорошо видела, какие у него сильные руки и узкая талия. В простой, будничной одежде Джо показался ей еще красивее, и Кейт неожиданно почувствовала, как кровь приливает к щекам, а язык отказывается повиноваться, что было ей совершенно не свойственно.

Потом она подумала, что Джо по-прежнему напоминает гигантскую птицу, вынужденную ходить по грубой земле вместо того, чтобы свободно парить в бескрайнем небе. Это впечатление еще более усиливали его длинные руки и ноги, которыми он беспокойно переступал по песку.

Но на самом деле Джо почти не нервничал – во всяком случае, не так сильно, как в первый раз. Во-первых, они встретились в обстановке, которая была гораздо менее официальной, чем многолюдный прием в роскошном особняке, а во-вторых... во-вторых, он вспоминал Кейт достаточно часто и сумел, пусть и заочно, приучить себя к ее обществу.

Слегка подавшись вперед, Джо взял у нее из руки палочку с обуглившимися остатками алтейного корня и бросил в костер.

– Вы, кажется, собирались перекусить? – спросил он, беря инициативу в свои руки.

– Собиралась, но не успела, – ответила Кейт и смущенно улыбнулась, когда он невзначай задел рукой ее обнаженный локоть. – Вы ведь сами видели, что случилось с моими бедными корешками.

– Как не стыдно хватать куски перед ужином! – проворчал Джо с напускной суровостью. – Впрочем, не могу же я допустить, чтобы вы умерли от голода! Хотите, я поджарю вам пару сосисок?

Кейт кивнула, и Джо, взяв с одного из подносов несколько сосисок, ловко насадил их на новую деревянную палочку, чередуя с кусками нарезанных помидоров и колечками сладкого лука. Облив сосиски майонезом, он шагнул вперед и поднес все это сооружение к огню.

– Что вы поделывали все это время? – спросил он.

– Ничего. – Кейт слегка пожала плечами. – Училась в основном... Этой весной я закончила школу и поступила в Рэдклифф. Вот и все. Больше ничего интересного в моей жизни не произошло.

Правила вежливости требовали, чтобы она поинтересовалась его делами, но Кейт это почему-то не пришло в голову. Она и так знала, какие рекорды Джо поставил, какие соревнования выиграл. Обо всем этом она читала в газетах, к тому же много рассказал ей отец.

– Что ж, это прекрасно! Я был уверен, что вас примут. И горжусь вами, – сказал Джо, и Кейт почувствовала, что краснеет. К счастью, на берегу уже было достаточно темно, и он ничего не заметил.

Джо держался намного увереннее, чем в прошлый раз, – Кейт сразу это почувствовала благодаря врожденной женской интуиции, позволявшей ей угадывать многое из того, о чем она даже не задумывалась. «Наверное, это потому, что однажды мы уже встречались», – решила она. Ей и в голову не могло прийти, что Джо думал о ней очень часто и в его представлении они уже были давними, близкими друзьями. Как у многих нелюдимых или излишне застенчивых людей, у него была манера воображать себе встречи и разговоры со знакомыми. В мыслях Джо снова и снова прокручивал их, словно кинолентку, выдумывая возможные варианты развития событий, так что, когда такие встречи в конце концов случались, он заранее знал, что его ожидает и какой оборот может принять разговор. Это всегда помогало ему держаться увереннее, и именно к такому методу Джо подсознательно прибегал, репетируя следующую встречу с Кейт. И все же он немного волновался, ибо даже не заметил, как начал называть ее на «ты». Впрочем, это прозвучало так естественно, что Кейт нисколько не удивилась. А еще какое-то время спустя она сама стала говорить ему «ты».

– Как твои водительские успехи? – поинтересовался Джо, широко улыбаясь. – Ты, наверное, уже чувствуешь себя уверенно за баранкой?

В ответ Кейт тоже улыбнулась.

– Папа говорит, что я никогда не буду водить машину как следует, но мне кажется, он делает это в воспитательных целях. На самом деле я вожу неплохо. По крайней мере, лучше, чем мама. Она все время цепляется за какие-то столбики или что-нибудь сшибает.

– В таком случае ты вполне можешь учиться водить самолет, – резюмировал Джо. – Ведь в небе нет ни фонарных столбов, ни светофоров, ни собак, которые выскакивают как из-под земли прямо перед радиатором. Обещаю, что возьму это дело в свои руки, как только снова вернусь на Восточное побережье. В начале будущего года или даже чуть раньше я переезжаю из Калифорнии обратно в Нью-Джерси. Буду работать над одним новым проектом. Нас с Чарльзом пригласили в качестве консультантов, и мы согласились, но сначала надо закончить дела в Калифорнии.

Услышав, что Джо будет работать совсем недалеко, Кейт воспряла духом, хотя она и не могла сказать, чему именно радуется. Больше того, она твердо знала, что с ее стороны надеяться на встречи с Джо Олбрайтом просто глупо. Вряд ли он захочет видаться с ней: ведь он – зрелый тридцатилетний мужчина, к тому же добившийся славы и значительных успехов в своей области. Она же была лишь юной, неопытной девушкой, которая только-только закончила школу и даже не начала учиться в колледже.

– Так, значит, совсем скоро у тебя начнутся занятия, – заметил Джо таким тоном, словно она была его младшей сестрой.

На самом деле никакой сестры – ни младшей, ни старшей – у него не было. Как и Кейт, он был единственным ребенком в семье, но на этом, пожалуй, их сходство заканчивалось. Родители Джо погибли в автокатастрофе, когда он был еще маленьким, и его взяла к себе семья двоюродного брата матери. Но там ему было не особенно хорошо – Джо никогда не скрывал, что не любил своих приемных родителей.

– Да, на будущей неделе, – ответила Кейт. – Во вторник я должна вернуться домой, и...

– Должно быть, это очень интересно – учиться в таком престижном колледже, – сказал Джо, вручая ей прутик с готовыми сосисками. – Прошу...

– Но не так интересно, как то, чем занимаешься ты, – искренне сказала Кейт. – Я следила за тобой по газетам. То, что ты делаешь, – это просто поразительно!

Услышав такое лестное заявление, Джо не сдержал улыбки. Он был рад, что Кейт не забыла его.

– Мой отец – твой большой поклонник, – добавила она, и Джо сразу вспомнил, как вспыхнули глаза у Кларка Джемисона, когда Кейт представила их друг другу. В отличие от дочери, считавшей Джо просто приятным человеком, Кларк знал о нем достаточно много – в том числе и то, что он – знаменитый летчик. Впервые Джо пришло в голову, что слава – не такая уж дурная вещь.

В молчании они съели шашлык из сосисок, а потом пошли к легким раскладным столикам, чтобы выпить кофе и съесть по порции мороженого. Мороженое в вафельных конусах успело подтаять, и, как ни старалась Кейт есть аккуратнее, несколько сладких капель все-таки упало ей на ноги. Джо, потягивая горячий кофе, внимательно наблюдал за ней. Ему нравилось смотреть на Кейт – она была так юна, так обворожительна и грациозна, так полна жизни и энергии, что напоминала чистокровного жеребенка, который резвится на лугу, брыкается и трясет гривой.

Джо и представить себе не мог, что когда-нибудь познакомится с такой удивительной девушкой. Женщины, которых он знал раньше, были совсем другими – проще, примитивнее, предсказуемее. Кейт же была словно яркая звездочка в небе, от которой он боялся отвести взгляд, чтобы ненароком не потерять из вида.

– Не хочешь ли немного прогуляться? – спросил он, когда Кейт с помощью влажной салфетки стерла с колен последние следы мороженого.

В ответ она кивнула и улыбнулась.

– С удовольствием. Вдоль берега, да? Мне нравится слушать, как дышит море.

Они поднялись и несколько минут молча шли вдоль пляжа. Стоял штиль, в небе сияла полная луна, и от нее бежала к ним по воде серебристая дорожка. Было так светло, что Кейт могла рассмотреть каждый камешек под ногами, каждую зарывшуюся в песок раковину или обломок дерева.

Наконец костер остался далеко позади. Джо потянулся, глубоко вздохнул и задумчиво посмотрел на усыпанное звездами небо.

– Я очень люблю летать в такие ночи, как эта, – проговорил он негромко. – Там, наверху... это просто удивительно. Думаю, тебе бы тоже понравилось. Когда летишь в темноте, среди звезд, кажется, что стал ближе к богу. А на земле... Здесь никогда не бывает так тихо и покойно, я знаю это точно...

Его голос звучал мечтательно, и Кейт поняла, что Джо делится с ней самым сокровенным. Ей неоткуда было знать, что в последние месяцы, поднимаясь в небо тихой лунной ночью, Джо часто думал о ней, о том, как здорово было бы, если бы она оказалась с ним рядом в кабине самолета. Однако сейчас это почему-то было трудно себе представить: присутствие Кейт настроило его на реалистический лад, и он постарался отбросить от себя эти глупые,

несбыточные фантазии. В самом деле, по сравнению с ним Кейт была еще ребенком, к тому же у нее была своя жизнь, свой круг общения. Кто знает, вспомнит ли она его, когда они увидятся в следующий раз? И не выйдет ли она к тому времени замуж за какого-нибудь молодого человека из респектабельной и богатой семьи, который, конечно, подходит ей куда больше, чем он – взрослый, вполне сложившийся уже мужчина со своими привычками и недостатками и к тому же небогатый?.. Джо подавил еще один вздох и решил, что они все-таки слишком разные, чтобы поддерживать какие-то более или менее тесные отношения. Но почему же тогда он *уже* чувствует себя так, словно встретил старого и близкого друга?..

«Это чистое везение, подарок судьбы, что она оказалась здесь», – подумал Джо, исподтишка рассматривая Кейт. Он знал, что, несмотря на данное обещание, ему вряд ли хватило бы смелости позвонить ее отцу. Скорее всего, он бы долго раздумывал и в конце концов решил, что из этого все равно ничего не выйдет, а раз так, то и звонить-то не стоит. Но теперь все изменилось, и Джо почувствовал неожиданный прилив сил и уверенности.

– А как получилось, что ты полюбил небо и стал летчиком? – неожиданно спросила Кейт, замедляя шаг. Мелкий белый песок под ногами был прохладным на ощупь и щекотал ее босые ноги, словно атлас.

Ее вопрос застиг Джо врасплох.

– Не знаю, не могу сказать, – пробормотал он, пожав плечами. – Как всем мальчишкам, мне с детства нравились аэропланы, и я, конечно, мечтал стать таким же знаменитым, как братья Райт. А может, все дело было в том, что мне всегда хотелось убежать... или подняться над землей высоко-высоко, чтобы никто не мог до меня дотянуться.

– От чего же ты хотел убежать? – тихо спросила она.

– От людей. – Джо снова пожал плечами. – От людей, от неприятностей, которые со мной случались, от всего дурного... И от своих мыслей тоже.

В семье двоюродного брата матери Джо приходилось несладко. Нет, его, разумеется, кормили и одевали, но ни дядя, ни его жена, ни его троюродные братья и сестры – никто не любил Джо по-настоящему. Для них он всегда был чужаком, обузой, лишним ртом, и они частенько давали ему это понять. Именно поэтому он ушел от них, как только ему исполнилось шестнадцать, хотя сбежать куда-нибудь на край света Джо хотелось давным-давно.

– Сколько себя помню, мне всегда было лучше одному, – добавил он. – К тому же мне с детства нравились всякие механизмы – я любил разбирать их, чтобы понять, как они работают. Авиация дала мне и то, и другое. Это же настоящее чудо – летать. С одной стороны, я отлично знаю, как и почему самолет набирает высоту, знаю, как он устроен и какие законы физики и аэродинамики удерживают его в воздухе, и все равно каждый полет для меня – это волшебство. Только представь: сейчас ты на земле, а через минуту – высоко в небе, рядом со звездами.

– Это звучит замечательно, – вздохнула Кейт.

Они остановились и сели рядом на песок. За разговором они прошли почти милю, и Кейт чувствовала, как гудят усталые мышцы.

– Это и в самом деле замечательно, Кейт. В авиации я по-настоящему обрел себя, нашел все, чего мне хотелось в детстве. Иногда мне даже кажется странным, что мне еще и платят за то, что я занимаюсь любимым делом.

– Ничего странного в этом нет, потому что ты, по-видимому, прекрасный летчик, – рассудительно сказала Кейт, и Джо в смущении опустил голову, но тут же снова поднял и поглядел на нее.

– Мне правда хотелось бы, чтобы когда-нибудь ты полетела со мной, – сказал он. – Не бойся, я не стану выделять никаких трюков. Мы просто поднимемся высоко в воздух... и лучше всего – такой же тихой ночью, чтобы ты сама увидела, как там прекрасно.

– Я и не боюсь, – ответила Кейт спокойно.

Она, судя по всему, и правда не боялась, чего нельзя было сказать о Джо. Сейчас, когда они сидели на песке совсем рядом, почти касаясь друг друга, его пугали собственные мысли и чувства. Эта девушка была загадочной, непонятной, и его тянуло к ней, словно магнитом. Она была на двенадцать лет младше, она была из богатой семьи, она поступила учиться в Рэдклифф, а он...

Он не принадлежал к ее миру и знал это, но к Кейт его влекло вовсе не положение ее родителей и не их состояние. Джо еще никогда не встречал такой яркой, самобытной, удивительной девушки. Разумеется, в свои тридцать лет Джо знал многих женщин – в основном, правда, это были сестры коллег-пилотов или «энтузиастки воздухоплавания», которых можно встретить возле каждого аэродрома. Однако Кейт не имела ничего общего ни с теми, ни с другими. Она ничем не походила и на ту единственную женщину, которая была ему небезразлична, но которая в конце концов вышла за другого, потому что у Джо постоянно не хватало для нее времени и она чувствовала себя одинокой, брошенной.

А вот Кейт Джо почему-то не мог представить себе страдающей от одиночества. Она казалась слишком живой и самодостаточной, и эти качества тоже влекли его к ней. В свои восемнадцать лет Кейт *уже* была цельной личностью и, насколько Джо мог судить, не страдала никакими комплексами. В ее душе не было пустоты, которую – в том или ином качестве – он призван был заполнить. Кейт ничего от него не ждала, ничего не требовала, ничего не выпрашивала. Она просто была собой и шла своей дорогой, словно несущаяся по орбите комета, и единственное, чего Джо хотел сейчас, это успеть схватить ее, пока она не отлетела слишком далеко...

Между тем Кейт, не подозревая, о чем он думает, рассказывала ему о своем желании изучать право, а также о том, почему это считается неподходящим занятием для женщины.

– По-моему, это все глупости, – сказал Джо рассудительно. – Почему тебе нельзя быть юристом, если ты действительно этого хочешь?

– Мои родители будут против. Они, правда, сами настаивали, чтобы я поступила в колледж, но ведь потом мне придется выйти замуж... – В ее голосе прозвучали разочарованные нотки, словно подобная перспектива казалась ей довольно скучной.

– Почему нельзя выучиться на юриста *и* выйти замуж? – пожал плечами Джо. – По-моему, одно другому не мешает.

Но Кейт только отрицательно качнула головой, и ее густые волосы, взлетев, окутали ее голову, словно облако. В эти мгновения она выглядела особенно притягательно, и Джо невольно стиснул зубы, стараясь не поддаться желанию. Он боролся с собой уже достаточно давно и в целом успешно. Кейт даже не догадывалась, с какой силой его влечет к ней, однако самому Джо приходилось постоянно контролировать свой голос и свои жесты, чтобы ничем себя не выдать.

– А ты можешь представить себе мужчину, который бы позволил своей жене заниматься юриспруденцией? Я абсолютно уверена, что, когда выйду замуж, мой муж потребует, чтобы я сидела дома, устраивала приемы и рожала детей.

Некоторое время они молчали, поскольку оба знали, что так уж устроен мир чуть не со времен Адама.

– А что, у тебя уже есть кто-нибудь на примете? У тебя или у твоих родителей?... – осторожно поинтересовался Джо. – Ну, человек, за которого ты выйдешь замуж...

Его и в самом деле волновал этот вопрос. «Быть может, – с неожиданным страхом подумал он, – за то время, что мы не виделись, ей встретился какой-нибудь хлыщ...»

– Нет, – просто ответила Кейт. – Никого у меня на примете нет.

– Тогда зачем об этом толковать?! – воскликнул Джо, не сумев сдержать своей радости. – Зачем волноваться заранее? И потом, если ты будешь учиться в юридическом колледже, ты можешь познакомиться с молодым человеком, с которым у тебя будут общие интересы. Навер-

няка он не станет особенно возражать, если вы оба будете юристами... – Джо повернулся к ней и, с трудом избежав соблазна взять ее за руку или обнять за плечи, спросил: – И вообще, разве это так важно – выйти замуж?

Сам Джо в свои тридцать лет еще никогда не задумывался об этом всерьез. А Кейт было всего восемнадцать, и у нее впереди была целая жизнь – достаточно времени, чтобы выйти замуж и завести детей. Джо было странно слышать, как она говорит об этом, словно замужество, семья были для нее чем-то вроде серьезного занятия, которому она обязана посвятить себя целиком. Мужчины подобным образом относились к карьере. Он понимал, что для Кейт – как и для подавляющего большинства женщин – брак был чем-то почти обязательным, но думать о нем, готовиться к нему, не имея никого, кто ей хотя бы немножко нравился, казалось ему совершенно бессмысленным занятием. Только потом Джо пришло в голову, что так, вероятно, смотрели на брак родители Кейт, и тогда в ее взглядах не было ничего удивительного.

– Я думаю, что брак – вещь достаточно важная, – сказала Кейт задумчиво. – Во всяком случае, так утверждают все, кого я хорошо знаю и уважаю. Возможно, когда-нибудь и я тоже буду так считать. Но сейчас... сейчас я просто не могу себе представить, как все это будет. И я никуда не спешу. Я рада, что сначала должна закончить колледж. Целых четыре года я могу ни о чем таком не думать, а там... там посмотрим. За это время может случиться всякое.

– Например, ты можешь убежать с бродячим цирком, – вставил Джо, и Кейт, рассмеявшись шутке, откинулась на песок, подложив под голову руку.

Глядя на нее, залитую лунным светом, Джо невольно подумал, что такой красоты он еще никогда не видел. Ему даже пришлось напомнить себе, что Кейт еще совсем ребенок, хотя и выглядит как женщина. Стараясь справиться с собой, он отвернулся и долго смотрел в сторону.

– Наверное, в цирке мне бы понравилось, – сказала Кейт, не имевшая ни малейшего представления о той борьбе, которую вел с собой Джо. – Когда я была маленькой, я любила смотреть на наездниц – у них были такие красивые коротенькие платица, расшитые золотом и бахромой. И на лошадей, конечно, тоже. А вот тигров и львов я побаивалась: они ужасно громко рычали.

– Я тоже боялся львов, – откликнулся Джо, по-прежнему изучая очертания залитого лунным светом берега. – Правда, я был в цирке только один раз, в Миннеаполисе, но мне там не понравилось. Клоуны и те показались мне какими-то скучными, к тому же там было слишком шумно и слишком много народа.

Это было вполне в его характере, и Кейт невольно улыбнулась, представив себе Джо серьезным, почти угрюмым маленьким мальчиком в коротких штанишках на помочах и клетчатой сорочке. И тут же она вспомнила, что клоуны никогда не нравились и ей. Кейт всегда казалось, что эти горластые ребята в растрепанных рыжих париках немного перебарщивают. Правда, порой она все же улыбалась их топорным репризам, однако гораздо больше Кейт ценила тонкую игру. Как, очевидно, и Джо...

Это последнее соображение заставило ее подумать о том, что у них с Джо, очевидно, гораздо больше общего, чем можно предположить на первый взгляд. Оставалось только выяснить, что заставляет ее так тянуться к этому человеку – схожесть или различие характеров.

– И все-таки мне бы хотелось поработать в цирке, чтобы узнать этих людей поближе, – сказала она. – Говорят, циркачи – народ совершенно особенный. К тому же приятно, когда кругом много людей – есть с кем поговорить.

При этих словах Джо рассмеялся и повернулся к ней. Подобного заявления следовало ожидать – насколько он успел ее узнать, Кейт любила людей и никогда не сторонилась незнакомых компаний. Наверное, она сумела бы стать своей в любом обществе – даже среди тех же гимнастов, наездников, укротителей. Простота и естественность, не покидавшие ее в любой обстановке, вызывали у Джо легкую зависть – сам он подобного дара был начисто лишен. Однако это заставляло его еще сильнее восхищаться Кейт.

– А для меня нет ничего хуже, чем сборище незнакомых людей. Или даже знакомых. Наверное, именно поэтому мне так нравится летать. Там, наверху, нет никого, с кем я обязан поддерживать светский разговор, – никто не лезет со своими пустяковыми проблемами и не требует, чтобы я раскрыл ему душу. На земле мне почти никогда не удастся этого избежать, а пустая болтовня здорово утомляет. Каждый раз после десятиминутной беседы с кем-то посторонним я чувствую себя так, словно толкал в гору тридцатитонный вагон угля.

Джо говорил вполне искренне: разговоры – любые разговоры – подчас причиняли ему почти физическую боль. «Быть может, – не раз думал он, – это общая беда всех летчиков?» Они с Чарльзом Линдбергом совершили не один многочасовой перелет, обменявшись при этом всего несколькими словами. Оба считали это вполне естественным, однако Джо не мог представить, чтобы Кейт молчала, как рыба, по восемь часов кряду.

– Общение с людьми меня буквально выматывает, – сказал он. – Каждый чего-то от тебя хочет, каждый требует, чтобы ты высказал свое мнение по тому или этому вопросу. А когда в конце концов что-то скажешь, тебя либо не поймут, либо тут же кому-то передадут твои слова, безбожно их при этом переувра. Так и получается, что разговаривать с кем-то – только усложнять себе жизнь.

Это было любопытное высказывание – любопытное, потому что проливало свет на еще одну сторону его характера.

– Значит, ты любишь, чтобы все было как можно проще? И чтобы каждый мог остаться в одиночестве, если ему хочется? – мягко спросила Кейт.

Джо кивнул. Он действительно всегда избегал лишних сложностей, хотя и знал, что большинство людей просто обожает усложнять себе жизнь.

– Я тоже люблю, когда все просто и понятно, – задумчиво сказала Кейт. – Но одиночество... Нет, это не по мне. Я люблю общаться с людьми, люблю с ними разговаривать, спорить... Когда я была маленькой, мне порой бывало тяжело, потому что у нас дома всегда было слишком тихо. Ведь когда я появилась на свет, маме было сорок, а папе и того больше. Я любила гостей, музыку, танцы, а мне иногда не с кем было и словом перекинуться. Мама и отец... они вели себя так, словно я была уже взрослая – маленькая, но взрослая. А мне хотелось быть ребенком – шуметь, прыгать, разбивать локти и коленки, пачкать красками платье. Но в нашем доме все всегда было в идеальном порядке: столы, стулья, ковры... и я. Я старалась не очень огорчать родителей, хотя мне и нелегко было всегда соответствовать их представлениям и взглядам о том, каким должен быть десятилетний ребенок.

– Гм-м... – только и смог протянуть Джо.

Ему было трудно представить себе, о чем говорила Кейт. В доме, где он вырос, царил самый настоящий хаос. До сих пор он не мог без содрогания вспоминать грязные стены, ободранные обои, рассохшуюся мебель и залежи гниющих объедков по углам. Его троюродные братья и сестры ходили в лохмотьях; пока были маленькими, они все время плакали, а став побольше – принялись ссориться и драться. В подобной обстановке жить было практически невозможно, ему же приходилось тяжелее всех. Поэтому, уйдя из дома, Джо вздохнул с облегчением: никто больше не ругал его, не говорил, сколько с ним проблем и расходов, не грозил отправить в приют, где в одной комнате жили тридцать детей. Полюбить своих приемных родителей Джо так и не сумел – он был уверен, что рано или поздно они исполнят свою угрозу, а потому считал, что особенно привязываться к кому-то из них не стоит. Со временем подобное отношение к людям вошло у него в привычку, так что, даже став взрослым, Джо не спешил обзаводиться друзьями. Лучше всего он чувствовал себя, когда ему никто не докучал.

– О такой жизни, как у тебя, мечтают многие, – сказал он. – Только, к сожалению, не каждый понимает, что это такое на самом деле. Большинство людей на твоём месте свихнулись бы со скуки.

В самом деле, нарисованная Кейт картина была слишком близка к идеалу, а Джо был глубоко убежден, что любой идеал есть вещь в высшей степени нефункциональная. Создайте идеальные условия растению, поместите его под стеклянный колпак, и оно вырастет чахлым и бледным, в то время как его выросший при дороге собрат будет цвести пышным цветом – если, разумеется, не погибнет от ночных заморозков или палящего солнца. То же и человек: помещенный в слишком тесные рамки, он может сойти с ума или превратиться в эгоиста, в морального уродца. Джо понимал, что отец и мать любили Кейт, старались, чтобы у нее было все необходимое, и вовсе не собирался судить их слишком строго. И все же результат был налицо: Кейт всей душой стремилась в колледж, дававший ей относительную независимость.

– А если бы у тебя были свои дети, Кейт? – спросил он. – Как бы ты их воспитывала?

Вопрос был не из простых, и Кейт задумалась.

– Я не сомневаюсь, что очень любила бы их, – ответила она после минутного молчания. – И все же я бы постаралась помочь им стать теми, кем бы они сами хотели, а не теми, кем бы хотела их видеть я. Пусть бы они были собой – только собой. Я бы позволяла им делать то, что им больше нравится. Даже если бы они захотели летать, как ты, я бы не возражала. Конечно, я бы волновалась за них, но я не стала бы говорить, что это опасно, что это не принято и что они должны заняться чем-то более привычным и надежным. По-моему, у родителей вообще нет никакого права решать за детей, не говоря уже о том, чтобы силой заставлять их избрать тот, а не иной путь.

Джо догадался, что это в ней говорит жажда свободы. Он и сам стремился к тому, чтобы ни от кого не зависеть и ни перед кем не отчитываться, но ему было проще. Не было таких стен, которые могли бы удержать его, да, по совести сказать, Джо никто и не удерживал. Он никому не был нужен и мог выбрать себе любое занятие, любое дело по душе. И, как Джо теперь понимал, это был лучший дар судьбы, на какой он только мог рассчитывать. Больше того, свобода была ему необходима, чтобы выжить, и он твердо знал, что не расстанется с ней ни за что и никогда.

– Быть может, мне повезло, что я остался сиротой, – сказал он серьезно. – Мои родители погибли в автомобильной аварии, когда мне было шесть месяцев, и меня взял к себе двоюродный дядя. Но у него была своя семья, и...

Он не договорил, и Кейт с сочувствием спросила:

– Они... они скверно с тобой обращались?

– Да нет, в общем-то... Правда, меня заставляли заниматься домашней работой и сидеть с младшими детьми, но я, наверное, не имел бы ничего против, если бы каждый раз мне не напоминали, что я – нахлебник, лишний рот, который нужно кормить. Когда началась депрессия, дядя и его жена были только рады, что я решил начать жить самостоятельно. Для них это было самым лучшим выходом: ведь им действительно приходилось меня кормить и одевать, а денег постоянно не хватало. Правда, бросив школу, я около двух лет работал на уборке мусора, но платили мне сущие гроши.

Кейт смущенно потупилась: у Джо было такое трудное детство, в то время как она никогда не знала ни голода, ни нужды... Ей вдруг стало неловко оттого, что экономический кризис почти не коснулся ее семьи – точнее, семьи матери, которая осталась такой же богатой, как и до него. Благодаря этому жизнь Кейт была обеспеченной, сытой и безопасной, и ей, конечно, было трудно представить себе все трудности, которые выпали на долю Джо. Неудивительно, что свобода стала для него самым главным. А вот у нее никогда не было настоящей свободы – хотя, если говорить честно, Кейт никогда не стремилась к ней сознательно. Единственное, чего ей всегда хотелось, это чтобы родители предоставляли ей чуточку больше самостоятельности, а это совсем не одно и то же. Поразмыслив, Кейт поняла, что, получи она такую же полную свободу, как Джо, она бы, наверное, растерялась и не знала, что с ней делать.

– А ты бы хотел иметь детей? Своих детей? – серьезно спросила она.

Этот вопрос казался Кейт очень важным: ей хотелось получше представить себе мировоззрение Джо, его систему взглядов. «Уж наверняка, – решила она, – Джо задумывался об этом, ведь ему уже тридцать!..»

Ответ Джо оказался, в общем, таким, какого она и ожидала.

– Не знаю, – сказал он, пожимая плечами. – Признаться, я никогда не думал об этом серьезно. Скорее всего – нет, не хотел бы. Сама посуди, ну какой из меня отец? Самолеты отнимают у меня слишком много времени, я постоянно летаю, езжу в командировки то в один конец страны, то в другой. А детям нужен отец, обязательно нужен. Наконец, без детей я и сам чувствовал бы себя спокойнее: ведь если бы они у меня были, я бы постоянно думал о том, чего я для них *не* сделал. А мысли о неисполненном долге – самые тяжкие, можешь мне поверить.

Кейт не стала спрашивать, что это за долг, который Джо не исполнил. К тому же сейчас ее куда больше интересовало другое.

– Разве ты не собираешься когда-нибудь жениться? – спросила она, стараясь ничем не выдать своего волнения.

Кейт не сомневалась, что Джо скажет ей правду – едва ли не больше всего ее поражала в нем честность, какая-то совсем детская открытость. Впрочем, это была одна из немногих черт, которые их объединяли. И в первую встречу, и в эту они исповедовались друг перед другом, ничего не тая и нимало не заботясь о том, что скажут или подумают о них другие.

Кейт не знала, конечно, что Джо и сам себе удивляется. Не в его обычае было раскрывать душу перед малознакомым человеком (да и перед знакомым тоже), однако что-то словно подсказывало ему, что Кейт он может доверить свое самое сокровенное. Впрочем, скрывать Джо было нечего. Он никого не убил, не ограбил и никого не обидел. Даже девушка, которая когда-то ему нравилась, ушла от него, не тая в душе ни горечи, ни обиды. Просто в один прекрасный день ей стало ясно, что Джо никогда не будет принадлежать ей целиком, и тогда она оставила его авиации, а сама вышла замуж за другого.

– Видишь ли, мне еще не пришлось встретить женщину, которая отнеслась бы нормально к тому, чем я занимаюсь, – сказал он. – Нет, наверное, авиация все-таки – занятие для холостяков. Не представляю, как Чарльзу удастся строить свою семейную жизнь – ведь его так редко видят дома. Впрочем, у них целая куча детишек, поэтому, когда Чарли нет, Анне не приходится особенно скучать. Надо отдать ей должное, она – удивительная женщина. Таких, как Анна, одна на тысячу, а может, и на миллион. У нее золотое сердце...

«А ведь сколько ей приходилось страдать», – подумала Кейт, снова ощутив прилив жалости.

– Быть может, – добавил Джо, улыбнувшись, – когда-нибудь мне повезет, и я встречу такую же женщину, как она. В этом случае я мог бы, пожалуй, попробовать создать семью, но вряд ли такое случится. Любовь – чувство слишком эгоистическое. Едва ли хоть одна женщина окажется способна делить меня с моими самолетами достаточно долго. Есть и еще одна загвоздка, Кейт. Мне кажется, я не создан для брака. А я всегда считал, что не стоит лезть из кожи вон и пытаться заставить себя стать кем-то, кем ты быть не можешь. Это и проще, и честнее, если хочешь... Можно сколько-то времени притворяться, но в конце концов обман обязательно раскроется, и тогда кто-то из двоих окажется раненным прямо в сердце. А может быть, и оба... Мне, во всяком случае, не хотелось бы причинять ненужной боли никому. Чего я хочу, так это заниматься своим делом и быть самим собой. Тогда, мне кажется, я не принесу вреда ни себе, ни окружающим.

«Как он прав!» – думала Кейт, слушая его. Ей даже захотелось наперекор родительской воле поступить в Школу права, но она знала, что таким поступком она очень огорчит и отца, и мать. Джо в этом отношении было проще – он был один как перст и мог поступать так, как считал правильным, не оглядываясь на мнение окружающих. И отвечал он только перед самим собой. Что касалось Кейт, то ее положение было совсем иным. Все мечты и чаяния ее

родителей воплотились в ней одной, и она просто не имела права подвести или разочаровать их. В особенности после того, как покончил с собой ее родной отец...

Они еще некоторое время сидели на песке, слушали, как глухо вздыхает ночной океан, и Кейт обдумывала их разговор. Он был предельно честным – так откровенны друг с другом могут быть только люди, которые давно и хорошо знакомы. В их суждениях и оценках не было ни рисовки, ни позы – одна только естественность и простота. И хотя они только что узнали, как несходны были их жизни и судьбы, обоих продолжало притягивать друг к другу с неослабевающей силой. Нет, даже не притягивать... Оба уже чувствовали себя сторонами одной и той же монеты – разными, но неразделимыми.

Поглядев на Кейт, которая по-прежнему лежала, привольно раскинувшись на песке и любуясь большой белой луной, он потянулся, хрустнув суставами, и легко поднялся на ноги. Больше всего ему хотелось сейчас лечь рядом с ней, но он не осмеливался, боясь, что не справится с собой. «Нет, – рассудил он, – нужно сохранять хотя бы минимальную дистанцию, иначе это может завести его бог знает куда».

Джо не переставал удивляться самому себе. Еще никогда он не испытывал ничего подобного ни к одной женщине. Чем же она так очаровала его, что он едва находил силы сопротивляться мощному течению, которое влекло его к Кейт?..

– Пожалуй, нам пора возвращаться, – сказал Джо с поспешностью, которая неприятно поразила его самого. – Мне совсем не хочется, чтобы твои родители решили, будто тебя похитили, и отправили по нашим следам полицию, – тут же добавил он, стараясь шуткой сгладить возможное неприятное впечатление.

Кейт, впрочем, ничего не заметила. Кивнув, она протянула руку, и Джо помог ей встать. – Идем, – просто сказала она.

Кейт действительно никому не сказала, что пойдет прогуляться, однако ей казалось, что особенно волноваться по этому поводу не стоило. Кто-нибудь наверняка видел, как она уходила, и мог успокоить ее отца и мать. Другое дело, что не каждый из гостей знал Джо в лицо... Кейт намеренно не предупредила родителей, с кем пойдет гулять, опасаясь, как бы отец не отправился с ними. И не потому, что не доверял Джо, а наоборот – потому что общество знаменитого летчика было ему лестно.

И они пошли назад, к костру, который мерцал вдалеке крохотной искоркой. На половине пути Кейт взяла Джо под руку, а он прижал ее ладонь к своему боку и улыбнулся. Джо не сомневался, что она могла бы быть ему добрым другом, но – к своему большому сожалению – уже понял, что хочет от нее чего-то иного. Одной дружбы ему было мало, но Джо не собирался уступать своим желаниям. Во-первых, он был не в том положении, чтобы предпринимать какие-то шаги в этом направлении. Во-вторых, он совершенно искренне полагал, что Кейт заслуживает большего, чем он был в состоянии дать ей.

Им понадобилось немногим менее получаса, чтобы вернуться к костру, где, к счастью, никто даже не заметил их отсутствия.

– Наверное, мы могли бы бродить по берегу хоть до утра, – сказала Кейт, улыбаясь Джо, который протянул ей чашку горячего кофе.

Себе он налил бокал вина, хотя вообще-то пил мало: не станешь же напиваться перед вылетом, а летал он часто. Впрочем, ни завтра, ни послезавтра садиться за штурвал ему было не нужно, и Джо позволил себе несколько глотков красного сухого вина.

– Возможно, ты права, – рассеянно согласился он.

Джо думал о том, что ему в любом случае не следовало слишком долго оставаться с Кейт наедине. Чувство, которое он испытывал к ней, было слишком сильным, и Джо уже не мог доверять себе в полной мере. Поэтому он ощутил нечто похожее на облегчение, когда у костра появились родители Кейт. Они собирались уходить и разыскивали дочь, чтобы отправиться домой вместе.

Увидев Джо, Кларк Джемисон просиял.

– О, мистер Олбрайт! Какой приятный сюрприз! Должно быть, вы только что из Калифорнии?

– Да, я прилетел вчера. – Джо улыбнулся, пожимая руки Кларку и Элизабет. – На днях я собирался позвонить вам, мистер Джемисон, чтобы напомнить о нашем с вами уговоре. Правда, я здесь всего на несколько дней, но когда я приеду в следующий раз...

– О'кей, мистер Олбрайт. Я готов. – Кларк заговорщически подмигнул Джо. – Пусть будет в следующий раз.

– Обещаю, – твердо сказал Джо. Родители Кейт казались ему очень приятными и милыми людьми.

Прощавшись с ним, Кларк и Элизабет пошли поблагодарить хозяев за приятный вечер. Проводив их взглядом, Джо повернулся к Кейт, и на лице его появилось какое-то странное выражение. Он хотел попросить ее об одном одолжении, но не знал, с чего начать, хотя и обдумывал свою просьбу на протяжении последних полутора часов. Главное препятствие заключалось в том, что Джо по-прежнему не знал, захочет ли Кейт поддерживать с ним знакомство после того, как начнет учиться в Рэдклиффском колледже. Но в конце концов он все-таки решился, сказав себе, что так будет лучше для обоих. Джо сознавал, конечно, насколько сильно смахивает на самообман этот второпях придуманный им довод, однако ничего другого ему на ум не приходило. К тому же он не хотел ни держать Кейт в неведении, ни искушать себя сверх того предела, за которым уже не в силах будет сдерживаться. Слава богу, что он скоро уедет и разделившее их расстояние станет дополнительной гарантией от любого безрассудства!

– Кейт... – начал Джо и неожиданно смутился. – Что бы ты сказала, если бы я попросил тебя изредка писать мне? Мне было бы приятно получать от тебя весточки.

– Правда? – радостно изумилась девушка.

После всего, что Джо наговорил ей о своем нежелании жениться и иметь детей, Кейт была уверена, что он не станет ухаживать за ней. Но она надеялась, что он захочет, чтобы она была его другом. И такое положение вещей ее бы вполне устроило, хотя Кейт и испытывала легкое разочарование. Она не могла не понимать, что ее влечение к нему было не совсем платоническим, однако Джо за весь вечер не сказал и не сделал ничего, что бы помогло ей понять, испытывает ли и он что-то похожее. Впрочем, Кейт уже знала, что Джо хорошо умеет скрывать свои мысли и переживания.

– Мне будет интересно узнать, как идут твои дела, – сказал Джо намеренно покровительственным тоном, стараясь получше замаскировать глубокое внутреннее беспокойство и смущение, которое он начинал испытывать при одном взгляде на это правильное лицо с высокими лепными скулами и большими голубыми глазами. – А я буду писать тебе о своих испытательных полетах, – добавил он. – Если, конечно, тебе это интересно.

– О, мне очень интересно! – радостно воскликнула Кейт, подумав о том, что, если Джо сдержит слово, она сможет показывать письма отцу. Кларку Джемисону, несомненно, тоже будет любопытно узнать об испытаниях новой техники.

Джо тем временем нацарапал на клочке бумаги свой адрес и протянул Кейт.

– Я не очень хороший писатель, но буду стараться, – пообещал он. – А ты пиши мне про свои занятия.

Он очень надеялся, что его голос звучит достаточно нейтрально – как голос старого друга, старшего брата или дядюшки, а не как голос ухажера или потенциального жениха. До сих пор Джо старался быть предельно откровенным и искренним с Кейт, однако он ничего не сказал ни о том, как сильно его влечет к ней, ни о том, как он боится этого странного чувства, не властного ни его разуму, ни воле. Джо знал, что стоит ему только чуть-чуть отпустить вожжи, и он не справится с собой и наделает глупостей, а допустить этого было нельзя. Потому-то он

и старался направить свои чувства в русло дружбы, дабы не подвергать опасности ни Кейт, ни себя. Страшнее всего было потерять ее; только это, собственно, и помогало ему сдерживаться.

– Ты сначала пиши на тот адрес, который указан в папиной карточке, – сказала Кейт. – А как только я узнаю свой адрес в колледже, я сразу тебе его сообщу.

– Договорились, – кивнул Джо. – Только напиши скорее, ладно?

В уме он уже подсчитал, что должен получить ее первое письмо почти сразу по возвращении в Калифорнию – если, конечно, она вообще собирается ему писать. И тут же Джо подумалось, что они еще даже не расстались, а ему уже хочется получить от нее весточку. Положение было поистине ужасное – непривычное по меньшей мере, однако Джо знал, что не сделает ничего, чтобы что-то изменить. Пусть даже у него будут только ее письма – он и на это был согласен. Кейт уже стала для него светом в ночи, маяком, к которому он стремился всем сердцем, всей душой.

– Что ж, счастливо тебе вернуться в Калифорнию, – промолвила Кейт.

На несколько секунд их глаза встретились, и за эти краткие мгновения они успели сказать друг другу очень многое, хотя никто из них даже не раскрыл рта.

А еще через минуту Кейт отправилась разыскивать своих родителей. На гребне песчаного холма она остановилась и, обернувшись, помахала ему рукой. Джо махнул в ответ. Потом Кейт скрылась из вида, а Джо повернулся и медленно пошел вдоль океанского берега, на этот раз – один...

Глава 3

Первые недели в колледже Кейт чувствовала себя так, словно ее подхватил и понес куда-то бурный поток. Ей так много нужно было успеть сделать! Несмотря на то что она тщательно готовилась к занятиям, ей пришлось докупать кое-какие книги, к тому же учебная программа в колледже оказалась куда более напряженной, чем в школе. Много времени уходило у нее и на сами занятия, и на знакомство с преподавателями, и на встречи с куратором по учебной работе, который помог ей составить индивидуальный план занятий. Ко многому Кейт пришлось приспособливаться, привыкать, однако уже через несколько дней стало совершенно очевидно, что в колледже ей очень нравится. Правда, она была так занята, что даже не ездила на выходные домой, чем заслужила справедливые упреки матери. Однако Кейт старалась звонить ей как можно чаще и подробно рассказывала о своих делах.

Она проучилась почти целый месяц, прежде чем собралась наконец написать Джо. По правде сказать, Кейт могла сделать это и раньше, но ей хотелось накопить побольше новых впечатлений, чтобы было о чем рассказать в письме. И когда в воскресенье вечером она села за стол в своей комнате, ее буквально распирало от множества интересных и смешных новостей.

Письмо получилось довольно длинным. Кейт написала Джо о своих сокурсниках, о занятиях, о профессорах, о внутреннем распорядке и даже о том, какую еду можно было купить в студенческом кафе. Еще никогда она не чувствовала себя такой счастливой. Только в колледже она впервые поняла, что такое настоящая свобода, и вкус ее кружил Кейт голову и пьянил, как молодое вино.

Единственное, о чем Кейт ни словом не обмолвилась, это о студентах-гарвардцах, с которыми познакомилась в прошлые выходные. Рэдклиффский колледж был чисто женским учебным заведением, однако располагался он в том же бостонском пригороде, что и Гарвардский университет, с которым был тесно связан. Даже часть профессоров в колледже была из Гарварда. Неудивительно, что учащиеся обоих учебных заведений часто общались между собой и ходили друг к другу в гости, однако Кейт почему-то не решилась написать об этом Джо.

Ни словом не упомянула она и о том, что один из студентов Гарварда – третьекурсник по имени Энди Скотт – понравился ей больше других. Впрочем, рядом с Джо, который стал для Кейт чем-то вроде эталона настоящего мужчины, Энди казался совсем мальчишкой. Да и вообще, ни один мужчина, которого она знала, не был таким красивым, таким сильным и таким интересным, как Джо. Рядом с ним не только Энди, но и большинство ее знакомых выглядели довольно бледно. И тем не менее общаться с Энди ей было приятно, к тому же он был капитаном сборной университетской команды по плаванию, что также произвело на Кейт должное впечатление.

Если не считать этого, Кейт написала Джо буквально обо всем: о лекциях, о первых самостоятельных работах, о своем учебном плане, о комнате в общежитии, а главное – о том, насколько счастлива она, что попала именно в Рэдклифф. Письмо получилось ликующее, радостное, полное надежд, и Джо, получив его, сразу подумал о том, что именно эта кипучая жизнерадостность, свойственная Кейт как никому другому, нравится ему в ней больше всего.

Не откладывая дела в долгий ящик, Джо тут же сел писать ответ. Эпистолярный жанр никогда не был его сильной стороной, но все же он сумел рассказать Кейт о последних моделях самолетов, которые он испытывал, а также о том, как ему удалось решить сложную техническую проблему, поставившую в тупик профессиональных авиационных конструкторов. Единственное, о чем Джо умолчал в письме, это о катастрофе, произошедшей буквально накануне. Самолет должен был пилотировать он сам, однако в последний момент его отправили на командный пункт, и за штурвал пришлось сесть другому испытателю – совсем молодому пилоту. Через полтора часа нормального полета его самолет вдруг вошел в неуправляемый

штопор и рухнул на землю на краю невадской пустыни. Летчик погиб, не успев выброситься с парашютом, и Джо пришлось извещать о несчастье его жену. Из-за этого он чувствовал себя немного подавленным, однако приложил все усилия, чтобы это никак не отразилось на его письме к Кейт.

Закончив, Джо перечитал письмо и остался крайне недоволен. По сравнению с письмом Кейт, оно выглядело довольно скучным: у него получилось что-то вроде технического отчета о проведенных испытаниях. Однако Джо решил ничего не менять, зная, что вряд ли сумеет написать лучше. Ему оставалось только надеяться, что Кейт прочтет между строк то, что он не смог выразить на бумаге.

Кейт получила письмо Джо ровно через десять дней после того, как отнесла на почту свое, и решила сразу же написать ответ. Как раз были выходные, поэтому Кейт уединилась в своей комнате, предварительно отменив свидание с Энди Скоттом и позвонив матери, чтобы предупредить: в этот уик-энд она снова не сможет побывать дома.

Это второе письмо также вышло у Кейт довольно подробным, однако и в нем решительно ничто не указывало на то, что она питает к Джо какие-то иные чувства, кроме дружеских. Она с юмором описывала свою студенческую жизнь и даже набросала несколько словесных портретов преподавателей и однокурсниц. Эти портреты получились у нее смешными, но точными, так как Кейт от природы была наблюдательна и обладала определенным литературным даром. Читая ее письмо, Джо несколько раз принимался хохотать, однако в конечном счете у него сложилось довольно верное представление о том, в каком окружении жила теперь Кейт.

Они переписывались всю осень; к зиме их письма стали более серьезными, так как из Европы приходили все более тревожные вести. В каждом послании Кейт спрашивала, что Джо думает по тому или иному политическому вопросу, и он отвечал ей, ничего не скрывая. Джо по-прежнему был уверен, что Соединенные Штаты могут вступить в войну в любой момент. Он даже снова начал задумываться о том, чтобы отправиться в Англию в качестве летного инструктора-консультанта – готовить летчиков и самолеты для британских Королевских ВВС. Впрочем, в конце каждого письма Джо пытался как-то развеселить ее, и, хотя он делал это не очень умело, Кейт была до глубины души тронута его вниманием. Каждого нового письма она ждала с нетерпением и старалась не мешкать с ответом, чтобы поскорее получить от Джо очередную весточку.

Накануне Дня благодарения Кейт неожиданно позвали к телефону, стоявшему в вестибюле жилого корпуса. Кейт сразу подумала, что это, наверное, звонит ее мать: завтра она собиралась ехать домой, и Элизабет, вероятно, хотела уточнить, в котором часу ее ждать. На День благодарения они всегда приглашали гостей, и Кейт уже предвидела шумный и суматошный уик-энд.

Других звонков она не ждала. Правда, ей мог позвонить Энди, но буквально накануне они пили кофе в студенческом кафе, и он сказал, что уезжает на все праздники к себе домой в Нью-Йорк. Кейт почти не сомневалась, что Энди забыл про нее, как только оказался среди своих старых нью-йоркских приятелей, так что, скорее всего, это все-таки мама.

– Алло? – сказала Кейт, поднося к уху трубку.

Она была настолько уверена, что услышит голос Элизабет, что не сразу узнала Джо.

– Это ты? – переспросила она, когда Джо назвал себя. – Ты из Калифорнии? Как хорошо тебя слышно!

В самом деле, на линии не было ни треска, ни шипения, словно Джо звонил из ближайшей будки-автомата.

– Да, это я, – ответил Джо. – Как твои дела?

– Отлично. И я ужасно рада, что ты позвонил! – Это был его первый звонок, и Кейт даже покраснела от удовольствия, зная, что Джо все равно не может ее увидеть. – С наступающим праздником, Джо!

– И тебя также, Кейт. Что, профессор Джонстон нашел свою трубку?

Он имел в виду один смешной случай, о котором Кейт рассказала ему в последнем письме, и оба рассмеялись. Однако почти сразу Кейт с удивлением отметила, как сильно она нервничает. Должно быть, в их переписке все же было что-то такое, что сделало их еще ближе друг другу – ближе и одновременно чувствительнее, ранимее, уязвимее.

– Все в порядке, нашел, – ответила она. – А я завтра уезжаю домой. Вообще-то я думала – это моя мама звонит. Она ждет меня на каникулы.

– Да, я помню, ты писала. – Чувствовалось, что Джо тоже нервничает, хотя и старается держаться как можно увереннее. – Я звоню, чтобы спросить, не согласишься ли ты поужинать со мной.

Ожидая ее ответа, он даже задержал дыхание, а Кейт так растерялась, что не знала, что и сказать.

– Поужинать? – произнесла она наконец. – Когда? Где?! Ты что, специально прилетишь из Калифорнии сюда, в Бостон?

– Вообще-то я уже прилетел. Я сейчас в Нью-Йорке. Дело в том, что мне срочно понадобился совет Чарльза, а он вернулся на праздники домой. Сегодня вечером я встречу с ним, а завтра... Завтра или в любой другой день я мог бы приехать в Бостон. Ты сама скажи, когда тебе удобнее.

Эту версию, звучащую так убедительно, Джо подготовил еще до того, как вылетел в Нью-Йорк. На самом деле он вполне мог обойтись без консультации со своим другом и наставником, но ему вдруг безумно захотелось повидать Кейт. Нужен был только предлог, чтобы побывать на востоке, и он ухватился за первую же попавшуюся возможность. Уже в самолете Джо пытался убедить себя, что ничего особенного в его поступке нет и что он летит в Нью-Йорк просто для того, чтобы повидаться с друзьями – с Чарльзом (с которым он расстался меньше недели назад) и с Кейт. Конечно, Кейт могла оказаться занята, но Джо решил, что в этом случае он не будет особенно расстраиваться, а просто вернется назад. Конечно, разумнее всего было бы предупредить ее заранее, однако Джо решил, что, если он позвонит Кейт уже из Нью-Йорка, она не сможет ему отказать.

Иными словами, он составил самый настоящий, хорошо продуманный план операции, однако все эти хитрости ему не понадобились. Его предложение привело Кейт в восторг, и она не стала этого скрывать.

– Я буду очень рада увидеться с тобой, – просто сказала она. – Когда ты сможешь приехать?

Это был голос друга, а не влюбленной женщины, и Джо почувствовал легкое разочарование. На самом же деле они оба старались не выдавать свои истинные чувства и с блеском исполняли каждый свою партию, причем делали это не без некоторого азарта. И для него, и для нее ситуация была совершенно новой и незнакомой. Никогда еще за Кейт не ухаживал взрослый мужчина. Что же касалось Джо, то еще ни к кому он не испытывал тех чувств, которые вызывало в нем одно имя Кейт.

– Я могу приехать в любой день, когда тебе будет удобно, – сказал Джо.

Его голос тоже прозвучал непринужденно и спокойно, почти небрежно, но Кейт внезапно задумалась. Она не была уверена, что поступит правильно, если согласится поужинать с ним, к тому же неизвестно, что скажет по этому поводу Элизабет. Что касалось отца, то тут у нее сомнений не было: Кларк, безусловно, только обрадовался бы. Как бы то ни было, Кейт решила рискнуть.

– Быть может, ты приедешь к нам домой на День благодарения? – предложила она и задержала дыхание.

На другом конце линии воцарилось недолгое молчание; потом Джо заговорил, и его голос прозвучал почти так же удивленно и растерянно, как и ее, когда она поняла, кто ей звонит.

– Ты... ты уверена, что твои родители не будут возражать? – спросил он.

Меньше всего ему хотелось оказаться в доме Джемисонов незванным и нежеланным гостем, которого терпят только из вежливости; к тому же из-за него у Кейт могли быть неприятности. Кроме всего прочего, Джо всегда встречал День благодарения один и успел к этому привыкнуть.

– Совершенно уверена, – храбро ответила Кейт, молясь про себя, чтобы Элизабет не слишком рассердилась.

Впрочем, она тут же подумала, что в праздники у них в доме все равно будет полно гостей, так что не имеет значения, если она пригласит еще одного. Кроме того, Джо, безусловно, был знаменитостью и – несмотря на свою нелюдимость – мог украсить одним своим присутствием любую компанию.

– Ну как, годится?.. – с замиранием сердца спросила она. – Ты сможешь прийти?

– Конечно, смогу. Я вылету в Бостон утром. Во сколько вы обычно ужинаете?

Кейт знала, что Элизабет пригласила гостей на пять часов вечера и что за стол они обычно садились в семь или около того.

– Другие гости придут в пять, но если тебе удобно – приезжай раньше, – предложила она: ей вовсе не хотелось, чтобы Джо целый день болтался в аэропорту, ожидая назначенного часа.

– Да нет, в пять часов меня вполне устраивает, – небрежно ответил Джо.

Он приехал бы и в шесть утра, если бы Кейт разрешила, но, увы, следовало поддерживать видимость приличий, хотя ему очень хотелось поскорее увидеться с ней.

Что с ним происходит, Джо сам не понимал, вернее, понимал не до конца. Годы эмоционального одиночества притупили его чувства, и он порой был слеп и глух даже в отношении того, что происходило в его собственной душе. Должно было случиться что-то поистине экстраординарное, чтобы он пробудился от своего летаргического сна.

– Послушай, а как мне следует одеться? – неожиданно спросил он.

Джо вовсе не улыбалось появиться в костюме, в то время как все остальные будут в смокингах и вечерних платьях. Смокинга у него по-прежнему не было, а занимать его у Чарльза, как он однажды уже делал, Джо не хотелось. Хотя бы потому, что впоследствии ему пришлось бы как-то пересылать смокинг и галстук обратно.

– На День благодарения папа обычно надевает темный костюм. Но он придерживается довольно свободных взглядов, так что тебе вовсе не обязательно следовать его примеру. Можешь надеть что-нибудь совсем простое – из того, что ты захватил с собой.

– Отлично! В таком случае я надену летный комбинезон и унты, – заявил Джо, и Кейт рассмеялась.

– Хотела бы я увидеть тебя в таком наряде! – воскликнула она и при этом почти не шутила. Ей и правда давно хотелось увидеть Джо в его стихии.

– Знаешь, может быть, мне удастся договориться и в самое ближайшее время прокатить на самолете тебя и твоего отца, – сказал Джо, по-своему истолковав ее слова.

– Только ничего не говори маме, если не хочешь, чтобы тебя выгнали из дома. С нее станется! – предупредила Кейт.

– Ни словечка не скажу. Ладно, увидимся послезавтра.

Судя по голосу, Джо чувствовал себя достаточно уверенно, и Кейт попрощалась с ним так же спокойно, но, когда они почти одновременно положили трубки, оба обнаружили, что ладони у них вспотели. Впрочем, у Кейт было куда больше оснований для волнения: ей еще предстояло предупредить мать.

О том, что к ним придет еще один гость, Кейт заговорила с матерью на следующий день вечером, когда вернулась домой. Элизабет как раз перетирала в кухне фарфоровые тарелки из праздничного сервиза и мурлыкала себе под нос какую-то песенку. Настроение у нее было самое благодушное, и Кейт решила, что настал самый подходящий момент.

– Хочешь, помогу? – предложила Кейт, как бы случайно заглядывая в кухню.

Элизабет удивленно обернулась. Каждый раз, когда ей требовалась какая-то помощь по хозяйству, у Кейт находилась целая куча неотложных дел. Домашние обязанности она считала скучными, унижающими человеческое достоинство, о чем не раз заявляла во всеуслышание.

– Тебя что, исключили из колледжа? – поинтересовалась Элизабет и улыбнулась: Кейт редко удавалось ее провести. – Должно быть, ты совершила какой-нибудь поистине ужасный поступок, раз тебе захотелось помочь мне с посудой. Ну, в чем дело, дружок?

– Разве не может оказаться, что я просто стала взрослой и ответственной? – парировала Кейт, делая непроницаемое лицо. – И ниоткуда меня не выгнали. Наоборот, все преподаватели говорят, что я очень хорошо успеваю по всем предметам.

– Гм-гм... – Элизабет ненадолго задумалась. – Стала взрослой, говоришь? Что ж, это возможно, но крайне маловероятно. Насколько мне известно, ни в одном колледже не делают взрослых девиц из маленьких капризных шалунишек. Во всяком случае, не за три месяца. Для этого тебе нужно сперва прослушать полный курс, да и то... – Она с сомнением покачала головой.

– Отлично!.. – Кейт надула щеки. – Уж не хочешь ли ты сказать, что, когда я закончу колледж, мне будет *нравиться* перетирать тарелки?

– Именно это я и хочу сказать, – твердо ответила Элизабет. – В особенности если тебе придется вытирать тарелки для своего мужа.

– Ну мама!.. Впрочем, давай поговорим об этом потом. Знаешь, я сделала одну вещь... очень в духе Дня благодарения. Помнишь, ты когда-то объясняла мне, чему посвящен этот праздник? – И Кейт с самым невинным видом посмотрела на мать.

Элизабет улыбнулась.

– Попробую догадаться. Ты своими руками зарезала индейку? И выпотрошила ее?

– Нет, но я пригласила к нам на ужин одного бездомного друга. Ну, не по-настоящему бездомного... Просто у него никого нет. Никого из родных, – сказала Кейт, стараясь разжалобить мать.

Это звучало достаточно разумно, и Элизабет кивнула.

– Очень мило с твоей стороны. Это, наверное, одна из девочек, с которой ты учишься? Бедняжка! – Элизабет вздохнула. – Такой праздник грустно проводить в одиночестве. Что ж, я всегда рада видеть твоих друзей, и еще одно место у нас найдется. Значит, всего будет восемнадцать человек.

– Спасибо, мама. – Кейт решила, что для начала неплохо: по крайней мере, Джо будет куда посадить. – Только это не девочка... – добавила она и затаила дыхание.

– Ты пригласила к нам молодого человека? – Элизабет насторожилась.

– Что-то вроде того. – Кейт почувствовала себя крайне неудобно: наступал решающий момент.

– Что-то вроде?.. Как ты странно выражаешься. Он, наверное, из Гарварда? – предположила Элизабет и улыбнулась. Она была очень довольна, что у ее дочери появился молодой человек – студент Гарвардского университета. В Гарварде учились юноши из самых лучших семей. Странно только, что Кейт еще ни разу ей об этом не говорила.

– Нет, он не из Гарварда. – Кейт показалось, что ей предстоит броситься в холодную воду. – Ты его знаешь. Его зовут Джо Олбрайт.

Последовала долгая пауза. Элизабет молча смотрела на дочь, и в глазах ее горели невысказанные вопросы. Много вопросов.

– Значит, это тот... летчик? – промолвила она наконец. – Откуда он взялся?

– Он недавно прилетел из Калифорнии и позвонил мне. Я сама не ожидала – все произошло так внезапно... Вообще-то Джо собирался навестить Чарльза Линдберга, но... В общем, получилось так, что в самый праздник ему совершенно некуда податься.

– Но почему он позвонил именно тебе? – с подозрением спросила Элизабет. – Мне это кажется... странным.

– Наверное, ты права, – как можно беспечнее отозвалась Кейт.

Она не говорила матери, что переписывается с Джо, так что объяснить его звонок ей действительно было нелегко. А уж это приглашение... Кейт и сама не знала, что побудило ее пригласить Джо к себе домой. В крайнем случае, они могли бы поужинать в каком-нибудь ресторане, и все было бы гораздо проще. Теперь же ей срочно нужно было найти какое-то разумное объяснение.

– Может быть, он звонил тебе и раньше?

– Нет, мама. – И это была чистая правда! – Мне просто кажется, ему очень понравился наш папа. К тому же Джо, наверное, очень одиноко здесь одному. По-моему, у него нет никого из близких. В общем, я не знаю, почему Джо... мистер Олбрайт позвонил именно мне, но когда он сказал, что у него нет никаких планов на праздничный уик-энд, я... Мне просто стало жалко мистера Олбрайта, вот я его и пригласила. Я не думала, что вы с папой будете против. Ведь ты сама столько раз говорила, что в День благодарения полагается благодарить бога за все его милости. А лучший способ отблагодарить его – это накормить голодного, дать приют бездомному и вообще оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Что, разве я не права? – добавила она дерзко.

Кейт изо всех сил старалась говорить и держаться так, словно ничего особенного не происходит, но ее выдавала горячность, с которой она выдвигала новые и новые аргументы в пользу Джо. К тому же Элизабет была проницательной женщиной и хорошо знала свою дочь. Еще никогда она не видела Кейт такой оживленной и такой взволнованной. В свои пятьдесят девять лет Элизабет еще не забыла, каково это – быть влюбленной в кого-то, особенно во взрослого мужчину, который тоже оказывает тебе знаки внимания. Ах, если бы это только был кто-то другой, а не Джо Олбрайт!.. Почему-то он не особенно нравился Элизабет; во всяком случае, в его присутствии ей сразу становилось не по себе. На ее взгляд, он был слишком замкнутым, слишком себе на уме, и в то же время в нем чувствовалось глубокое внутреннее напряжение, до поры скрытое, но чреватое самыми непредсказуемыми поступками. Стоит такому человеку чего-то захотеть, и он своего добьется. Элизабет казалось, что Джо Олбрайт из тех, кто подавляет, подчиняет себе предмет своей страсти, чтобы потом, насытившись, отбросить его, как пустую ореховую скорлупу. Кейт, конечно, этого пока не понимала, но зато Элизабет понимала прекрасно, и именно это было причиной ее нынешнего беспокойства.

– Я не против того, что он придет к нам в гости, – сказала она честно, – но я против того, чтобы он ухаживал за тобой. Он намного старше тебя, к тому же мистер Олбрайт не... Он не нашего круга. Ты не должна поощрять его, Кейт! Между вами не может быть ничего серьезного – вы слишком разные. Меня бы очень огорчило, если бы ты вдруг вообразила, что влюблена в него.

«Как один человек может решать за другого? – подумала Кейт. – И как можно запретить любить? Запретить встречаться – ладно, но любить?..» Однако возражать она не стала и только кивнула, изображая послушную дочь.

– Я вовсе его не поощряла, мама, – сказала она. – И я ни капельки в него не влюблена. Я просто пригласила его к нам на индейку – только и всего. К тому же я подумала, что папе будет интересно...

– Иногда, – наставительно произнесла Элизабет, – именно с таких пустяков и начинаются крупные неприятности. Когда дружба между мужчиной и женщиной становится слишком... близкой, это может плохо закончиться.

– Но, мама!.. – вспыхнула Кейт. – Он же живет в Калифорнии!

– Что ж, это, пожалуй, единственное, что радует меня в этой ситуации, – вздохнула Элизабет. – Ну ладно, я сама скажу отцу. И, как ни грустно, он-то наверняка будет в восторге...

Но запомни: если твой Джо Олбрайт предложит покатать Кларка на одном из своих ужасных самолетов, я своей рукой положу ему в кофе яд для мышей. Так можешь ему и передать.

– Спасибо, мама! – Кейт наградила мать лучезарной улыбкой и небрежной походкой вышла из кухни, так и не прикоснувшись ни к одной тарелке.

– Кажется, кто-то собирался помочь мне с посудой! – крикнула ей вслед мать.

– Я совсем забыла, мама: к будущей неделе мне нужно подготовить одно сообщение, так что я лучше сделаю его заранее, – откликнулась из коридора Кейт.

Элизабет тяжело вздохнула. Наивные уловки дочери не могли ввести ее в заблуждение, а выражение, появившееся в синих глазах Кейт в тот момент, когда она объявила, что Джо Олбрайт приедет к ним в гости, повергло Элизабет в самый настоящий ужас. Она хорошо помнила, как в ранней юности один молодой человек тайно ухаживал за ней – и разбил ей сердце. Должно быть, тогда у нее был такой же взгляд – мечтательный, рассеянный, немного безумный... К счастью, родители Элизабет вовремя узнали о ее романе и вмешались прежде, чем их отношения успели зайти слишком далеко. Какое же все-таки счастье, что тогда она послушалась своих отца и мать!

Но Кейт была совсем другой, она могла и не прислушаться к родительским советам, и беспокойство не оставляло Элизабет. Вечером, когда они с Кларком уже легли спать, она рассказала ему о том, что так ее тревожило. Однако, как Элизабет и ожидала, муж отнесся к ее страхам без должной серьезности.

– Джо Олбрайт? – переспросил Кларк. – Ну и что ж тут такого? В конце концов, он же не просит руки нашей дочери – он просто придет к нам в гости. Джо очень интересный человек, Лиз; к тому же он не настолько глуп, чтобы волочиться за восемнадцатилетней девчонкой. Такой красавец, как он, может заполучить любую женщину, какую пожелает.

– О, святая наивность! – Элизабет возвела глаза к потолку. – Почему ты решил, что он не может «пожелать», как ты выразился, нашу дочь? Кейт очень красива и обаятельна, да и выглядит она старше своих лет. Кроме того, главная опасность заключена как раз не в нем, а в ней. Девочка явно без ума от него. Джо Олбрайт хорош собой, знаменит – что еще надо восемнадцатилетней дурочке, чтобы влюбиться? Романтика – это страшная сила, Кларк. Насколько я помню, лет десять назад половина незамужних женщин Америки была влюблена в Чарльза Линдберга, и для некоторых это кончилось самой настоящей трагедией. А у Джо очень много общего с Линдбергом. Во всяком случае, у него есть определенное обаяние, а эта таинственная молчаливость делает его таким загадочным и вдвойне притягательным для некоторых неокрепших умов.

– Уж не думаешь ли ты, что Кейт способна серьезно им увлечься? – Кларк от удивления даже привстал. Он всегда считал, что у Кейт есть голова на плечах, но у Элизабет, как видно, было другое мнение.

– Чем черт не шутит, Кларк, – серьезно ответила она. – Я почти уверена, что между ними что-то есть, и неважно, от кого исходит инициатива – от него или от нее. Если бы ничего не было, он бы позвонил к тебе в офис, а не ей в колледж.

– Это-то как раз довольно просто объяснить. Вполне естественно, что Джо гораздо приятнее иметь дело с Кейт, а не со мной, ведь они оба молоды, – с улыбкой ответил Кларк. – На твоём месте, Лиз, я бы не стал так волноваться. Кейт – разумная девочка, а Джо – джентльмен. По крайней мере, он производит впечатление порядочного человека.

– Но что будет, если они полюбят друг друга?! – воскликнула Элизабет, и Кларк снова улыбнулся.

– Ну, это еще не самое страшное, что может случиться. Насколько мне известно, Джо не женат и никогда не был. Люди его уважают, и, по-моему, заслуженно. Так что мистер Олбрайт – вполне респектабельный гражданин, к тому же у него есть хорошо оплачиваемая работа. Что же еще надо? Да, он, к сожалению, не банкир и не финансовый магнат, но это, знаешь ли, слу-

чается. Что касается Кейт, то нет никаких гарантий, что она обязательно влюбится в известного адвоката, процветающего промышленника или банкира. Она может полюбить арабского шейха, индийского принца, какого-нибудь француза без роду, без племени или и того хуже – какого-нибудь прусского аристократа, которых даже сейчас немало учится в Гарварде и Йеле. Мы не можем вечно держать ее под замком, Лиз. Рано или поздно это все равно случится, и если мы будем ставить ей преграды, то только причиним собственной дочери ненужные страдания, но ничего хорошего не добьемся. Короче говоря, если Кейт действительно влюбится в Джо и если этот парень сумеет сделать ее счастливой, пусть будет так – я возражать не стану. В конце концов, он хороший человек, и я не думаю, что он способен обидеть нашу дочь.

– Но что, если в один прекрасный день он разобьется во время одного из своих полетов и оставит Кейт вдовой, да еще с целой кучей ребятишек?!

В голосе Элизабет явственно прозвучали панические нотки, и Кларк взял ее за руку.

– Ну а что, если Кейт выйдет замуж за управляющего банком, а его задавит на улице такси? Или даже хуже: что, если он будет плохо с ней обращаться, бить ее, изменять ей? Каково тебе будет тогда, особенно если Кейт выйдет за этого негодяя, просто чтобы угодить нам? Нет уж, пусть лучше выходит замуж за того, кто ее любит, – решительно закончил он.

– А ты считаешь, что Джо *любит* ее? – негромко спросила Элизабет, опасливо косясь на закрытую дверь спальни.

– Я вовсе не имел в виду Джо. Мне кажется, ему действительно было некуда пойти на День благодарения. А зная нашу дочь, я вовсе не удивлен, что она пригласила его к нам. Ей, наверное, просто стало его жалко. Что же касается любви... – Он с сомнением покачал головой. – Слишком они разные.

– Кейт так мне и объяснила – что она, мол, пожалела его. Но...

– Вот видишь! – Кларк обнял жену за плечи. – Попомни мои слова: пройдет немного времени, и ты сама убедишься, что беспокоилась совершенно напрасно. Кейт – хорошая, умная девочка, и у нее доброе сердце – совсем как у ее мамы.

В ответ Элизабет только вздохнула. Ей ужасно хотелось, чтобы Кларк оказался прав. Больше того, она почти убедила себя в том, что он прав, однако когда на следующий день, ровно в пять часов, Джо Олбрайт появился на пороге их особняка, на душе у Элизабет снова заскребли кошки. Было вовсе не похоже, что Кейт жалеет его. Напротив, она была оживлена, даже возбуждена, и явно радовалась его приходу. А Джо, наоборот, казался растерянным и даже слегка ошарашенным.

За ужином Кларку удалось разговорить гостя. Он расспрашивал его о самолетах, и Джо отвечал более или менее подробно, зато Кейт почти все время молчала и только с обожанием смотрела на своего героя. Это, разумеется, не укрылось от Элизабет. Перехватив несколько взглядов, брошенных друг на друга ее дочерью и прославленным летчиком, она снова забеспокоилась: у нее появилось отчетливое ощущение, что эти двое знакомы куда лучше, чем хотят показать. Правда, между собой они разговаривали мало, однако интуиция подсказывала Элизабет – это совсем не оттого, что им нечего сказать.

Между тем Кейт даже не старалась скрывать, насколько свободно и непринужденно она чувствует себя рядом с Джо. Да почему, собственно, она должна это скрывать – ведь они с Джо друзья, разве нет? Ей и в голову не приходило, что во взглядах, которыми они обменивались, мать способна без труда разглядеть то, в чем Кейт еще не осмеливалась признаться даже самой себе.

А Элизабет и в самом деле очень скоро поняла, что между ее дочерью и Джо действуют силы взаимного притяжения, объяснять которые дружеской привязанностью мог лишь человек наивный или заинтересованный. И надо сказать, что это открытие ее отнюдь не успокоило. Правда, она не могла не признать, что Джо производит впечатление человека умного, хорошо воспитанного и наделенного определенным обаянием, а к Кейт он относился подчерк-

нуто уважительно. Однако Элизабет чудились в нем некая холодность и чуть ли не сознательная закрытость, словно кто-то когда-то сделал Джо очень больно и с тех пор он старался никого не подпускать к себе слишком близко. Да, на первый взгляд он казался дружелюбным и внимательным, но Элизабет была уверена, что заглянуть к себе в душу Джо Олбрайт не позволяет никому.

Кроме всего прочего, когда он рассказывал о самолетах, испытаниях и фигурах высшего пилотажа, в его голосе звучала такая глубокая и пылкая страсть, что Элизабет невольно засомневалась, найдется ли когда-нибудь женщина, способная вызвать в нем столь же сильные чувства. Нет, ей *хотелось* верить, что Джо Олбрайт порядочный человек, однако это вовсе не означало, что он – подходящая пара для Кейт. Очень скоро ей стало ясно, что Джо едва ли сумеет быть хорошим мужем кому бы то ни было. У него для этого просто не было возможности. Постоянные полеты, испытания, смертельный риск – не этого Элизабет хотела для своей дочери. Она мечтала, что Кейт будет жить размеренной, счастливой, спокойной жизнью, и готова была отдать за это все, что угодно. Всю жизнь Элизабет только и делала, что оберегала Кейт от болезней, опасностей, боли, разочарований, а теперь вдруг поняла, что единственная вещь, от которой она не сумеет защитить дочь, это разбитое сердце. Кейт очень страдала, когда умер ее родной отец, и сейчас Элизабет боялась, что старая история повторится. Неминуемо повторится, если Кейт и Джо и в самом деле полюбят друг друга. Элизабет с ужасом чувствовала собственное бессилие: слишком уж привлекательным, загадочным, романтичным был Джо Олбрайт. Его молчаливость вызывала невольное желание пробиться к нему сквозь стены, которые Джо воздвиг вокруг себя, чтобы помочь ему. Именно это Кейт и пыталась сделать на протяжении почти всего ужина. Когда Кларк, соблюдая приличия, занялся другими гостями, она незамедлительно перехватила инициативу, попытавшись вытащить Джо из раковины молчания, в которой он замкнулся. И это ей без особого труда удалось.

А Кейт просто хотелось, чтобы Джо чувствовал себя как можно свободней и непринужденнее, и она прилагала все силы, чтобы этого добиться. Ни на минуту она не задумалась о том, что скажет или подумает ее мать. А Элизабет смотрела на дочь и с отчаянием думала, что самое страшное уже случилось. Даже лучше, чем сама Кейт, она понимала, а вернее сказать – чувствовала, что ее дочь влюблена по уши. Пока неясно ей было только одно: как относиться к ее дочери Джо. Кейт, безусловно, интересовала его, больше того – его влекло к ней, тянуло какой-то неведомой силой. Однако создавалось впечатление, что на данном этапе он сам не сумел бы сказать, что на самом деле чувствует. Единственное, в чем не приходилось сомневаться, это в том, что со своими чувствами он борется, но борется безуспешно.

Когда Элизабет вышла по делам в кухню, Кларк тоже поднялся и, нагнав жену в коридоре, обнял за плечи и шепнул ей на ухо:

– Вот видишь, я же тебе говорил! Они просто друзья, так что ты волновалась совершенно напрасно.

«Как можно быть таким слепым и не видеть даже того, что творится у тебя под самым носом?» – подумала Элизабет, а вслух сказала:

– Почему ты так решил?

– Взгляни сама: Джо обращается с Кейт, как с младшей сестрой, – подшучивает над ней, дразнит...

– К сожалению, я так не думаю. По-моему, они влюблены друг в друга, – ответила Элизабет, убедившись, что гости не могут ее слышать.

Сегодня у них собрались самые близкие друзья, и, насколько могла судить Элизабет, Джо произвел на них весьма благоприятное впечатление. Но сейчас ей было глубоко наплевать, удался или не удался вечер. Куда больше Элизабет заботили намерения Джо в отношении ее дочери.

– А ты нисколько не изменилась, любимая! Ты – такая же идеалистка и все так же романтизируешь самые обычные вещи.

– К несчастью, нет. – Элизабет вздохнула. – Мне скоро шестьдесят, Кларк, я старая, ворчливая, циничная и к тому же боюсь до чертиков... Я не хочу, чтобы он сделал больно нашей девочке, а он на это способен! Поверь мне, Джо может причинить Кейт страшную боль, а я не в силах это предотвратить.

– Ты преувеличиваешь, дорогая. Я не сомневаюсь, что Джо – настоящий джентльмен.

– А я в этом вовсе не уверена! К тому же от джентльменов тоже бывают дети. – Элизабет зябко повела плечами, хотя в доме было тепло. – Главное, что он мужчина, Кларк, – привлекательный, знаменитый, романтичный. Кажется, Кейт интересуется его не меньше, чем он ее, но в нем есть что-то такое... Он словно пережил какую-то трагедию, и рана, которая осталась у него в душе, до сих пор не закрылась. Ты заметил, что он избегает разговоров о своей семье, о своем детстве? Единственное, что он соизволил нам сообщить, это то, что его родители погибли, когда ему было полгода. Но что было потом?.. Одному богу известно, что ему пришлось пережить потом! Да и то, что он до сих пор не женат – и даже никогда не был женат, – по меньшей мере странно для тридцатилетнего мужчины.

Все это были вполне естественные вопросы; тысячи родителей, если только они нормальные, заботливые родители, задают их, прежде чем вручить свое единственное дитя незнакомому мужчине. Но Кларк по-прежнему считал, что Элизабет зря беспокоится.

– Должно быть, Джо был слишком занят, – сказал он. – Ему пришлось очень много работать, чтобы стать тем, кем он стал, – знаменитым летчиком, одним из лучших в стране. Немудрено, что ему было не до женитьбы.

Так ни до чего и не договорившись, Кларк и Элизабет вернулись в гостиную. Кейт и Джо сидели вместе в уголке; казалось, они были поглощены каким-то интересным разговором, но Элизабет достаточно было один раз взглянуть в их сторону, чтобы все ее подозрения тотчас вернулись. Материнское сердце трудно обмануть, а оно подсказывало: она не ошиблась. Ни Кейт, ни Джо, казалось, не замечали, что происходит вокруг. Судя по выражениям их лиц, по взглядам, по жестам, они были сейчас одни в целом свете, и Элизабет поняла, что опоздала. Ничего поправить было уже нельзя. Ей оставалось только молиться.

Глава 4

В пятницу после Дня благодарения Джо зашел за Кейт, так как они договорились провести вечер вместе. Они немного погуляли по парку Бостон-Гарден, попили чаю в «Ритце», и все это время Кейт развлекала Джо рассказами о том, как она ездила с родителями в Гонконг и Сингапур. Джо слушал внимательно, сам рассказывал о своих приключениях, шутил и смеялся вместе с ней. Любой, кому приходилось сталкиваться с ним, вряд ли узнал бы его сейчас. Джо казался совсем другим человеком: раскованным, разговорчивым и веселым. От его всегдашней замкнутости не осталось и следа, и Кейт только удивлялась про себя, что могло с ним случиться.

Ближе к вечеру они поужинали в ресторане, а потом Джо повел ее в кино. Показывали фильм «Гражданин Кейн», который обоим очень понравился. Была почти полночь, когда Джо наконец отвез ее домой.

– Спасибо, я прекрасно провела время, – сказала Кейт, прощаясь с ним у крыльца, и нечаянно зевнула. – Прости, ничего не могу с собой поделать.

Джо улыбнулся.

– Мне тоже было очень приятно увидеться с тобой.

Казалось, он хотел добавить что-то еще, но передумал, и Кейт, кивнув, поднялась на крыльцо. Закрыв за собой дверь, она повернулась и увидела мать, которая стояла на верхней площадке лестницы, ведущей на второй этаж. В руках у Элизабет была тонкая фарфоровая чашка, словно она собиралась в кухню, чтобы набрать воды на ночь.

– Ну, как погуляли? Весело было? – спросила Элизабет, стараясь выглядеть не слишком обеспокоенной.

На самом деле ей очень хотелось знать, что говорил Джо и не пытался ли он обнять или поцеловать Кейт. Однако, следуя примеру мужа, она решила ни о чем не расспрашивать дочь.

– О, мам, все было просто замечательно! – откликнулась Кейт.

На лице ее появилось мечтательное выражение – общество Джо бесконечно ей нравилось, и она жалела, что прогулка закончилась так скоро. Кейт даже не верилось, что сегодня она встречалась с ним всего в четвертый раз в жизни. Ей казалось, она уже давно и хорошо знает его, хотя в этом, наверное, были «виноваты» письма, которыми они обменивались. Благодаря им Джо стал ей ближе и понятнее, так что Кейт почти не ощущала двенадцатилетней разницы в возрасте. Больше того: по временам он казался ей совсем юным – такими искренними и порой наивными были его послания к ней.

– Ты встречаешься с ним завтра? – негромко спросила Элизабет.

Кейт могла бы солгать, но только кивнула в ответ.

– Надеюсь, он не собирается катать тебя на самолете?

– Конечно, нет! – выпалила Кейт, чувствуя, что краснеет.

Впрочем, она почти не солгала. На протяжении всего сегодняшнего дня Джо даже не вспоминал о самолетах, что было для него по меньшей мере необычно. Кроме того, в воскресенье он должен был вернуться в Калифорнию, следовательно, времени на полеты у них все равно не оставалось.

Пожелав матери спокойной ночи, Кейт поднялась к себе в спальню. Ей многое нужно было обдумать и решить, и в первую очередь – как она относится к Джо. Возможно, это пока было не так уж и важно: ведь он до сих пор не сказал и не сделал ничего выходящего за рамки простой дружеской привязанности, однако Кейт хотела разобраться в себе. Она по-прежнему не знала, влюблена ли она в Джо и влюблен ли он (ну хоть немножко!) в нее. Единственное, что было, кажется, очевидно для обоих, так это странное и невероятно сильное влечение, которое они испытывали друг к другу...

На следующее утро, когда Кейт направлялась в кухню, чтобы перекусить, в коридоре зазвонил телефон. На часах было половина восьмого, ее родители еще спали, и Кейт со всех ног бросилась к аппарату, чтобы звонок не разбудил их. Она не знала, кто может звонить в такую рань и зачем, и была несказанно удивлена, когда в трубке раздался голос Джо:

– Я тебя не разбудил?

Это был первый вопрос, который он задал, и в его голосе Кейт услышала и заботу, и любовь, и смущение, смешанное с облегчением. Очевидно, Джо боялся, как бы трубку не взяла ее мать, и заранее приготовился извиняться. Несомненно, у него был заготовлен и подходящий предлог, способный хотя бы частично оправдать столь ранний звонок, и Джо был рад, что ему не пришлось врать и выкручиваться.

– Нет, я уже встала, – ответила она. – Только еще не завтракала. А что?

Сегодня они собирались пообедать вдвоем, и Кейт решила, что Джо хочет сообщить, во сколько он за ней заедет. Правда, все равно оставалось непонятным, зачем он звонит так рано.

– Сегодня обещали отличную погоду, – сказал Джо. У него был такой голос, словно он что-то задумал. И действительно, после небольшой паузы он проговорил, смущаясь: – Знаешь, Кейт, я приготовил тебе сюрприз.

Кейт невольно улыбнулась: Джо был сейчас похож на мальчишку, которому подарили велосипед.

– Тогда, может быть, ты захватишь свой сюрприз с собой, когда приедешь? – предложила она.

Джо немного поколебался, прежде чем ответить.

– Знаешь, лучше я отвезу тебя туда, где этот сюрприз находится, – сказал он наконец. – Он слишком большой, и я сомневаюсь, что сумею доставить его к вашему дому, хотя... Хотя попробовать было бы интересно, – закончил он совсем другим, более твердым голосом. – Ну что, согласна?

Больше всего на свете ему хотелось, чтобы Кейт сказала «да». Для него это значило невероятно много. Сюрприз, который Джо приготовил для Кейт, был самым большим и единственным даром, какой он только был в состоянии ей преподнести.

Кейт вдруг подумала, что мама на ее месте сразу догадалась бы, о чем идет речь, но сама она по-прежнему терялась в догадках.

– Что ж, ты меня заинтриговал, – сказала она наконец, задумчиво проводя рукой по спутанным со сна волосам. – Когда же я увижу этот твой сюрприз?

После недолгих размышлений она решила, что Джо имеет в виду новый автомобиль. Чего она не могла понять, так это зачем ему понадобилось покупать машину здесь, если он по-прежнему живет в Калифорнии, однако слишком задумываться об этом не стоило. Несмотря на свою молодость, Кейт уже знала, что мужчины способны на самые нерациональные и необъяснимые поступки, если дело касается новой машины, нового спиннинга или новой пары горных лыж.

– Что, если я заеду за тобой через час? – предложил он. – Ты успеешь?

– Конечно.

Кейт была вовсе не прочь исчезнуть из дома до того, как встанут ее родители. Пожалуй, это был просто идеальный вариант, надо только оставить им записку, чтобы они знали – она уехала раньше, чем планировала. Иначе пришлось бы пускаться в долгие объяснения: ведь вчера она сказала матери, что собирается пообедать с Джо, а сейчас даже для завтрака было рановато.

– Я буду у тебя без четверти девять, – поспешно сказал Джо. – И еще, Кейт... оденься потеплее.

«Наверное, он хочет повезти меня куда-нибудь гулять», – догадалась Кейт и заверила Джо, что наденет все самое теплое, что у нее есть.

Через час она уже ждала его на крыльце. На ней было короткое пальто из бобрика, вязаная шапочка, юбка из клетчатой шотландки и шарф, который она носила, еще когда училась в школе. Он, правда, давно вышел из моды, но зато был очень теплым.

Джо приехал в такси.

– Ты выглядишь прелестно, – сказал он, с улыбкой разглядывая ее наряд. Сам он был в высоких замшевых мокасинах, шерстяных гетрах, клетчатых бриджах и короткой кожаной куртке на меху. – Тебе не будет холодно? – с беспокойством добавил он, и Кейт, улыбнувшись, покачала головой.

Джо усадил ее в такси и назвал водителю адрес. Кейт поняла, что они поедут за город, и спросила, что там находится.

– Увидишь, – коротко ответил Джо, и Кейт вдруг догадалась. Как это ей не пришло в голову, что Джо хочет показать ей свой самолет?!

Больше она ни о чем расспрашивать не стала, и всю дорогу они мило болтали о пустяках. Джо сказал, что еще никогда не проводил время так весело, как в прошедшие два дня, и что ему захотелось сделать для Кейт нечто особенное, прежде чем они снова надолго расстанутся. И по тому, как сияли его глаза, Кейт поняла: он готов поделиться с ней самым дорогим – своей любовью к небу, к авиации. Из его писем Кейт уже знала, что Джо ужасно гордится своим новым самолетом, который он сам спроектировал и построил на свои деньги лишь с небольшой помощью Чарльза Линдберга. Ей было только немного жаль, что с ними нет ее отца. Даже Элизабет, наверное, не нашла бы что возразить – ведь они ехали не летать, а только смотреть на самолет!

Через полчаса они прибыли в Энском-Филд – пригород Бостона, где находился небольшой частный аэродром, состоявший из нескольких ангаров, контрольной вышки и единственной взлетно-посадочной полосы. Когда машина остановилась у края летного поля, на посадку как раз заходил красный «Локхид-Вега», и Кейт невольно залюбовалась этим легкокрылым чудом.

Джо расплатился с таксистом и, взяв Кейт за руку, быстро повел к ближайшему ангару. Открыв боковую дверцу, он почти втолкнул ее внутрь, и Кейт ахнула от восхищения при виде небольшого, но очень изящного и пропорционального самолета. Джо с любовью похлопал ладонью по фюзеляжу.

– Вот он – мой небесный конь, – сказал он с гордостью и, открыв дверцу кабины, пригласил Кейт внутрь.

– Как здорово, Джо! – воскликнула Кейт, оказавшись в кабине.

Она, в общем-то, ничего не знала о самолетах, не представляла, как они устроены, и поднималась в воздух только однажды – когда летела с родителями в Сингапур. Тем не менее одного взгляда на внутренности кабины оказалось достаточно, чтобы Кейт испытала прилив волнения и восторга. Ведь это был не обычный самолет – Джо построил его своими собственными руками, и поэтому он казался Кейт особенно красивым.

Больше получаса Джо показывал ей приборы и рукоятки управления, объяснял, что и как устроено и для чего необходимо. Обычно, имея дело с новичками, он избегал пускаться в подробности, но Кейт схватывала все объяснения буквально на лету, испытывая при этом явное удовольствие. Она жадно впитывала каждое слово, переспрашивала, если что-то оказывалось непонятным, а главное – запоминала почти все, что он говорил. Она сделала только одну ошибку, перепутав два очень похожих циферблата, но Джо знал, что многие молодые летчики не могут запомнить их даже после месячного курса обучения, так что ее промах был вполне простителен.

Пока Джо рассказывал Кейт об устройстве самолета, его посетило странное чувство, будто в стенах, которыми он привык окружать себя, открываются все новые окна и двери. И сквозь них ему виделась другая, новая жизнь, которую он никогда не считал для себя возмож-

ной, ибо слишком хорошо знал особенности своего характера. Теперь же он чувствовал, что готов разделить с Кейт эту замечательную жизнь, и, как ни странно, мысль об этом вовсе не казалась ему пугающей.

Прошло не меньше часа, прежде чем Джо решился спросить Кейт, не хочет ли она подняться с ним в воздух хотя бы на несколько минут. Он был уверен, что Кейт понравится ощущение, которое испытывает каждый человек – даже пассажир, – когда самолет отрывается от земли и начинает набирать высоту. И действительно, Кейт ни секунды не колебалась.

– Сейчас? – только и спросила она.

В ее глазах не было никаких признаков тревоги или страха – только любопытство, возбуждение и восторг. Она понимала, что с его стороны это самый дорогой дар, на какой он только способен. Кроме того, Кейт уловила происшедшую с ним перемену. Стоило Джо окатиться возле своего аэроплана, как он начал держаться увереннее. Кейт вдруг снова показалось, что он похож на готовую взлететь птицу, и удерживать его на земле с ее стороны было бы просто жестоко.

– Мне бы очень хотелось, Джо, – сказала она, – но... разве это можно?

– Почему нет?

Джо пожал плечами, и глаза его вспыхнули таким счастьем, что Кейт невольно зажмурилась. Все запреты и предупреждения Элизабет были ею тут же забыты – сейчас для нее существовало только одно...

– Тогда – летим, – твердо сказала она, и Джо тут же отправился на контрольную вышку, чтобы получить разрешение на вылет. Через несколько минут он вернулся и улыбнулся Кейт такой широкой улыбкой, какой она у него никогда прежде не видела.

– Летим! – крикнул он, широко разводя руки в стороны, словно хотел обнять и ангар, и самолет, и ее самое.

Самолет Джо был всего-навсего двухместным, в его кабине могли поместиться только пилот и штурман – или пассажир. Однако по своим техническим характеристикам он превосходил многие стандартные модели того же класса, к тому же его дальность полета была весьма внушительной. Всего этого Кейт, конечно, не знала, однако ей было достаточно общего впечатления, которое произвел на нее самолет. Он выглядел очень гармоничным и пропорциональным, Кейт даже подумала, что в Джо погиб талантливый художник. На ее взгляд, только Леонардо мог бы создать столь совершенную конструкцию.

Кейт совсем не испугалась, когда Джо легко запустил двигатель и медленно выехал из просторного ангара на рулежную дорожку. Он так подробно объяснял ей, что и зачем делает, что у Кейт даже появилось ощущение, будто она управляет самолетом вместе с ним.

Джо собирался подняться в воздух всего на несколько минут, чтобы Кейт успела испытать ощущение полета, но когда шасси оторвалось от земли, Джо внезапно подумал о том, что прежде не приходило ему в голову.

– Послушай, Кейт, ты случайно не подвержена «морской болезни»? – спросил он.

Кейт рассмеялась в ответ, и у Джо сразу отлегло от сердца. Он с самого начала знал, что такая замечательная девушка не должна бояться ни морской качки, ни воздушных ям. И иначе просто не могло быть, потому что, если бы она боялась летать, это бы все испортило.

– Нет, Джо, меня никогда не тошнит, – сказала она. – А что, ты собираешься совершить несколько фигур высшего пилотажа?

В ее голосе ему почудилось радостное предвкушение и восторг, и Джо рассмеялся. Еще никогда их душевная близость не представляла перед ним с такой очевидной ясностью.

– Вообще-то нет. Думаю, мы попробуем «бочку» и «иммельман» в следующий раз, – ответил он, пока самолет набирал высоту.

В первые несколько минут полета Кейт и Джо беспечно болтали, но вскоре оба погрузились в молчание. Прислушиваясь к негромкому рокоту двигателя, Кейт во все глаза смотрела

по сторонам, но время от времени поглядывала на Джо. В эти минуты он выглядел именно таким, каким Кейт всегда его представляла, – спокойным, уверенным, гордым, сильным и властным. Он повелевал машиной, которую сам построил, и казался настоящим хозяином бескрайних голубых пространств, в которые они поднялись. Еще никогда Кейт не встречала человека, который бы казался ей столь могущественным; Джо был волшебником, почти богом, властвующим над небесами вокруг. Он был рожден, чтобы повелевать облаками, ветрами и воздушными течениями, и Кейт не сомневалась, что никакой другой человек – даже сам Чарльз Линдберг – не может делать это лучше, чем он. Если раньше ее просто влекло к Джо, то теперь – с той самой минуты, когда самолет оторвался от твердой земли, – он стал для нее неотразимым. И иначе, наверное, просто не могло быть. В Джо воплотилось все, о чем она мечтала и чем восхищалась. Сила, свобода, радость – наверное, все это было в нем всегда, но только теперь Кейт сумела ясно увидеть это. Если прежде Джо напоминал ей большую неуклюжую птицу, вынужденную ходить по земле, то теперь он расправил крылья и взлетел над заснеженными полями и перелесками, словно могучий орел – полновластный владыка воздушного океана. Ощущение было непередаваемым, и единственное, чего хотелось Кейт, когда они наконец приземлились в искристом облаке взметенных пропеллерами снежинок, это снова взмыть с Джо в морозную голубизну. Еще никогда Кейт не чувствовала себя такой счастливой, а невидимая связь между ней и Джо стала еще крепче, чем прежде.

– Боже мой, Джо, это было... великолепно. Спасибо! – воскликнула она, когда Джо загнал самолет в ангар и выключил двигатель.

Кейт понимала, что он поделился с ней самым дорогим, и совместный полет стал для обоих чем-то вроде языческого ритуала братания. А может, и чего-то большего, чем братания?.. Кейт не раз слышала выражение «браки заключаются на небесах», но ей и в голову не приходило воспринимать его так буквально.

Джо повернулся к ней, и лицо его выражало странную умиротворенность.

– Я очень рад, что тебе понравилось.

Он вдруг подумал, что, если бы было иначе, его постигло бы глубокое разочарование. Но, к счастью, Кейт оправдала все его надежды. Больше чем оправдала! И теперь Джо казалось, что последние разделявшие их барьеры исчезли, унесенные в небытие потоками воздуха от винтов его машины.

– Мне не просто понравилось, Джо. Мне... я... – Кейт на мгновение задумалась, подбирая подходящие слова, чтобы выразить все, что творилось в ее душе. – Я в восторге. В самом настоящем восторге, – закончила она торжественно.

– Хочешь, я научу тебя водить самолет? – негромко спросил Джо.

– Конечно, хочу! – воскликнула Кейт, и в ее ясных голубых глазах заиграли озорные искры. – Спасибо... Только ничего не говори маме: она меня убьет. Или тебя. А скорее всего – нас обоих. Я обещала ей, что не буду летать.

Но ей уже было ясно, что сдержать свое обещание она не сможет. Кейт уже не в силах была отказаться от того, что только что пережила. И дело было не только в новом и прекрасном ощущении полета. Главное, она увидела Джо в его «естественной среде» и поняла, что он действительно самый удивительный человек, каких она когда-либо встречала. Удивительный, уникальный, единственный в своем роде. Во всем мире не было другого такого. Ее восхищало его мастерство, его неповторимый стиль, его уверенность, его... Кейт было трудно сформулировать. И уж конечно, она не знала, что именно это качество так поразило Чарльза Линдберга, когда он впервые увидел Джо за штурвалом. У него была душа летчика. Или, вернее, душа птицы, потому что летчиками все-таки становятся, а птицами – рождаются. И не какой-нибудь птицы, а орла – самой могучей, самой быстрой, самой красивой птицы, какую только создала природа.

– Из тебя выйдет отличный второй пилот, Кейт, – сказал Джо, помогая ей отстегнуть ремни. – Когда у меня будет свободное время, я обязательно научу тебя водить самолет. Это очень просто.

И Кейт кивнула. Сейчас ей казалось, что это действительно очень легко и просто, особенно если *он* рядом. Джо был не только талантливым летчиком; самые сложные вещи он умел объяснить так, что они сразу становились понятными и легко запоминались.

– Жаль, что мы не можем провести здесь весь день, – сказала Кейт, когда Джо помог ей спуститься на землю по короткой металлической лесенке.

– Мне тоже жаль. Но твоя мать снимет с меня скаल्प, если только заподозрит, что мы с тобой тут делали. На самом деле летать гораздо безопаснее, чем ездить в автомобиле, но, боюсь, миссис Джемисон со мной не согласится.

Потом они вернулись в город, и Джо повел ее обедать в «Юнион Ойстерхауз». Даже за столом Кейт продолжала говорить только о полете, о своих переживаниях и о том, как красив его самолет. Она понимала, что летать с Джо – это лучший способ узнать его как следует, тем более что, оказавшись внизу, он снова замкнулся, стал неразговорчивым и неловким, в очередной раз напомнив Кейт птицу, которой привычнее парить в небе, чем ходить по земле. Вне кабины своего самолета Джо был совсем другим человеком, но Кейт уже однажды увидела его настоящего, и теперь ей было легче разглядеть в нем то, что прежде она только угадывала.

Впрочем, вскоре Джо успокоился и расслабился. Кейт удалось разговорить его, и Джо снова стал похож на самого себя. Он искренне рассмеялся, когда она рассказывала ему всякие забавные случаи из своей жизни в колледже, и Кейт подумала, что теперь они будут лучше понимать друг друга. В самом деле, все, что прежде казалось ей необычным и странным, получило теперь свое объяснение. Хотя Джо вовсе не сделался от этого менее загадочным.

Этот последний день, который они провели вместе, пролетел, промелькнул как одно мгновение. После обеда они вернулись домой к Кейт и некоторое время сидели в библиотеке. Кейт достала карты, и Джо научил ее играть в «Поймай десятку». Сначала у Кейт ничего не получалось, но под конец ей дважды удалось обыграть его, и каждый раз она хлопала в ладоши и радовалась, как ребенок.

Вечером Джо, почтительно испросив разрешение у Кларка и Элизабет, повел Кейт ужинать в дорогой ресторан. Это было достойное завершение праздничного уик-энда, и она чувствовала себя совершенно счастливой. Но всему на свете приходит конец. Поздно вечером Джо снова привез ее домой, и они долго стояли на крыльце, не в силах расстаться. Ни Джо, ни Кейт не знали, когда они увидятся в следующий раз. Джо планировал вернуться в Нью-Йорк к Рождеству, но сказать наверняка не мог: у них с Чарльзом было еще много работы по испытаниям нового авиационного двигателя. Никто пока не мог предвидеть, как поведет себя новый мотор, и Джо знал, что ему вряд ли удастся вырваться хотя бы на пару дней. Просить же Кейт навестить его в Калифорнии он не осмеливался: родители вряд ли бы еепустили.

– Береги себя, – сказал Джо.

Им снова овладела уже знакомая Кейт скованность; даже в эти последние минуты вдвоем он смотрел не на нее, а на свои ботинки. Ей даже захотелось взять его за подбородок и заставить поднять голову, но она знала, что, если подождать немного, он преодолет себя и снова поглядит ей в глаза.

Так и случилось.

– Береги себя, Кейт, – повторил Джо громко и внятно и посмотрел на нее. – Я не знаю, когда мы увидимся, но мы увидимся обязательно. Я приеду, как только смогу.

– До свидания, – ответила она тихо. – И... спасибо, что взял меня полетать. – Это была их тайна, которая объединяла их, словно двух заговорщиков. – Счастливого полета, Джо. Кстати, сколько часов лететь до Калифорнии?

– Часов восемнадцать-двадцать, – ответил он. – Все будет зависеть от погоды. Над Средним Западом висит циклон, так что мне, скорее всего, придется отклониться далеко на юг, чтобы обогнуть его. Хочешь, я позвоню, когда доберусь до места?

– Очень хочу, – прошептала Кейт.

Она заглянула ему в глаза, пытаясь прочесть в них, чувствует ли он к ней что-нибудь, кроме дружеской привязанности. Ей по-прежнему было непонятно, что заставило Джо приехать к ней в Бостон: он ничем не выдал себя. Порой Джо держался с ней покровительственно, почти по-отечески, и все же Кейт ощущала в нем что-то еще – что-то могучее и слишком таинственное, чтобы в этом можно было разобраться. Она даже не была уверена, действительно ли оно существует, это загадочное и влекущее нечто, или же просто воображение сыграло с ней злую шутку.

– Я буду тебе писать, – пообещала она, и Джо кивнул.

Ему нравилось получать ее письма – он читал их как захватывающий роман с продолжением, над которым и грустил, и смеялся.

– Я постараюсь приехать после Рождества, но у нас с Чарльзом очень много дел, – проговорил Джо, сокрушенно качая головой, и Кейт вдруг захотелось сказать ему, что она приедет к нему сама, но ей не хватило смелости. Она знала, что отец и мать будут возражать, – Элизабет и так уже беспокоилась из-за того, что Кейт провела с Джо практически все праздники. Они оба это заметили, и никому из них не хотелось лишний раз испытывать ее терпение.

– Будь осторожен, Джо, летай аккуратно, – озабоченно сказала Кейт.

Джо почувствовал себя тронутым.

– И ты будь осторожна и смотри, чтобы тебя не выгнали из колледжа, – шутливо ответил он, и Кейт рассмеялась. А еще через минуту Джо неловко похлопал ее по плечу и, круто повернувшись, почти побежал к калитке. Он как будто старался поскорее оказаться подальше от нее, чтобы ненароком не сказать или не сделать что-то, что могло бы оскорбить или оттолкнуть ее. Лишь на улице Джо остановился и махнул ей рукой уже из-за калитки, а потом быстро пошел вдоль тротуара.

Кейт тоже помахала ему на прощание и, не переставая улыбаться, вошла в дом. Не спеша поднимаясь к себе на второй этаж, она думала о том, какими удивительными были три прошедших дня. За это время они с Джо научились делиться друг с другом душевным теплом, которое должно было помочь обоим легче перенести предстоящую разлуку. И – главное – Джо подарил ей самое настоящее чудо, когда взял с собой в небо. Одного этого было достаточно, чтобы сделать Кейт счастливой, и ей даже стало казаться, что встреча с Джо была самой большой удачей в ее жизни. «Когда-нибудь, – решила она, – я расскажу о нем своим детям, чтобы и они знали, какой это удивительный человек».

При этом Кейт даже не пришло в голову, что ее дети могут оказаться и *его* детьми. Она была не глупа и видела, что жизнь Джо уже заполнена до краев – заполнена самолетами, испытаниями, небом. Вряд ли в ней нашлось бы место для женщины, не говоря уже о жене и детях. Все это Джо довольно недвусмысленно дал ей понять, еще когда они встретились на барбекю на мысе Код, а за прошедшие дни Кейт снова в этом убедилась. Порой ей казалось, что все окружающие Джо люди – не только женщины – являются добровольной жертвой, которую он готов принести на алтарь своей любви к самолетам и авиации. На все остальное у него просто не было времени – он сам не раз повторял это, и Кейт видела, что Джо нисколько не преувеличивает. И в то же время в глубине души она не могла этого принять. «Как можно отказаться от семьи и детей ради самолетов?! – недоумевала она. – Как можно променять одно на другое?» Впрочем, спорить с ним она не собиралась. В конце концов, ее это никоим образом не затрагивало, и Кейт оставалось только соглашаться с тем, что говорил Джо. Она давно решила, что какие бы чувства она ни испытывала к нему – или только воображала, что испытывает, – все это только иллюзия, самообман, красивая мечта и не более того.

На следующий день было воскресенье, и вечером Кейт предстояло возвращаться в колледж. Весь день она ждала, что мать что-то скажет по поводу Джо, но Элизабет молчала, и Кейт восприняла это как дурной знак. Ей было невдомек, что мать решила последовать совету Кларка – подождать и посмотреть, как станут развиваться события. В конце концов, может быть, это действительно просто не совсем обычная дружба между взрослым мужчиной и восемнадцатилетней девушкой, и Джо больше не будет преследовать их дочь... Элизабет очень на это надеялась, однако выдавать желаемое за действительное было не в ее характере, и убедить себя до конца ей так и не удалось.

Сразу по возвращении в колледж Кейт начала ощущать странное беспокойство. Она буквально места себе не находила, хотя даже себе не могла бы объяснить, в чем дело. Одна за другой возвращались и другие девушки, и каждая спешила рассказать подругам о том, как она провела праздничный уик-энд. Одна девушка даже побывала во Флориде со своим женихом (и с его мамой, что здорово подпортило влюбленной парочке удовольствие). Кейт весело болтала со всеми, но ни словом не обмолвилась ни о Джо, ни о его неожиданном приезде. Ей было бы очень трудно объяснить подругам, что за отношения их связывают, к тому же никто из них все равно бы не поверил, что она не влюблена в Джо по уши. По правде сказать, Кейт и самой не очень в это верилось, и все же на прямой вопрос одной из подруг, что за мужчина звонил ей накануне праздников, она ответила, что это ее старый друг.

– Просто друг? – продолжала допытываться та.

– Да, просто друг. Он приезжал в Бостон на выходные, а вообще-то он живет и работает в Калифорнии.

– По телефону у него был очень мужественный голос, – вздохнула подруга, и Кейт кивнула: она была вполне с ней согласна.

– Я тебя с ним непременно познакомлю, когда он приедет в Бостон еще раз, – сказала она таким тоном, который яснее ясного говорил: «И не надейся». Подруга в ответ фыркнула, и они разошлись по комнатам – готовиться к завтрашним занятиям.

Джо позвонил Кейт на следующий день утром. Он сказал, что приземлился полчаса назад и что полет прошел более или менее нормально. Когда Кейт захотела узнать подробности, Джо нехотя рассказал, что плохая погода преследовала его на всем протяжении маршрута. Два раза он пробивался сквозь буран, а из-за ураганного ветра над Вайнокой в Оклахоме ему даже пришлось приземлиться и ждать, пока буря немного уляжется. Его голос звучал как-то невыразительно, словно Джо смертельно устал, и Кейт быстро подсчитала, что на перелет у него ушло больше двадцати четырех часов.

– Спасибо, что позвонил, – поспешно сказала Кейт.

Она решила, что с его стороны это настоящий подвиг: ведь он наверняка валится с ног от усталости. Вряд ли Джо сделал это из простой любезности. Быть может, он все-таки думал о ней и не хотел, чтобы она слишком волновалась?..

Следующие слова Джо подтвердили ее догадку:

– Я просто хотел сказать, что у меня все в порядке. Как дела в колледже?

– Все нормально, – ответила Кейт.

Она уже успела соскучиться по Джо, и это ощущение – совершенно иррациональное и необъяснимое – начинало ее раздражать. Ведь он не сказал и не сделал ничего такого, что могло разбудить в ней определенного рода надежды! Так что же с ней тогда творится? Неужели она все-таки немного влюблена в него?.. Впрочем, в любом случае это чувство не имело ничего общего с тем, о чем постоянно шептались другие девушки. С тем же успехом Кейт могла влюбиться в губернатора штата, в президента или в любого другого человека, который благодаря своему положению останется для нее недостижим.

– Скорее бы уж Рождество! – вздохнула она, удачно притворившись, будто ее волнение вызвано предвкушением каникул, а вовсе не тем, что перед Рождеством Джо должен был вернуться на Восточное побережье. Правда, он предупреждал ее, что может застрять в Калифорнии до февраля, но Кейт надеялась, что этого не случится. Ей слишком дорога была мысль, что спустя какой-нибудь месяц Джо будет совсем рядом, в Нью-Йорке, до которого можно легко добраться на поезде. Интересно только, отпустят ли ее родители? Быть может, и отпустят, если она поедет не одна, а с подругой... «Кажется, – припомнила Кейт, – в Нью-Йорке живет Хэти Боумен с третьего этажа...»

Впрочем, с Джо своими планами она делиться не стала. Инстинктивно Кейт чувствовала, что может его испугать, и тогда... Что будет тогда, она не знала, но проверять ей не хотелось.

– Ладно, Кейт, я еще позвоню тебе через пару дней, – сказал Джо, и она снова уловила в его голосе усталые нотки. Должно быть, после двадцатичетырехчасового полета через всю страну он смертельно хотел спать.

– Послушай, это ведь, наверное, ужасно дорого! – внезапно встревожилась Кейт. – Может, лучше будем переписываться, как раньше?

– Ну, время от времени я могу тебе звонить, – великодушно ответил он. – Если, разумеется, ты не против.

Теперь в его голосе Кейт уловила новые интонации. Джо явно внутренне собрался, словно готовясь к новому полету, и она вдруг поняла – почему. Предложение звонить ей было для Джо новым большим шагом вперед, и он боялся, что она почему-либо откажется.

– Наоборот, мне будет очень приятно, – поспешила она успокоить его. – Просто я боюсь, что эти звонки обойдутся тебе в целое состояние.

– Об этом не беспокойся, – несколько грубовато отозвался он.

Звонить Кейт из Калифорнии было все же дешевле, чем угощать ее первоклассными обедами. Не желая ударить лицом в грязь, Джо водил ее по самым дорогим бостонским ресторанам, хотя сам бывал в них крайне редко. Так редко, что уже не мог припомнить, когда в последний раз сидел за столиком, накрытым хрустящей полотняной скатертью и заставленным полированными серебряными приборами. Даже рекордный перелет Чарльза Линдберга через Тихий океан они отмечали прямо на взлетной полосе, в наскоро натянутой парусиновой палатке. Для него не имело значения, где он ест и что он ест, к тому же все свои деньги – до последнего пенни – Джо вкладывал в разработку и строительство новых авиационных моторов и самолетов. Лишь ради Кейт он сделал исключение – ему хотелось доставить ей удовольствие, ибо, по его мнению, она этого вполне заслуживала.

– Кейт, я хотел сказать тебе...

Его голос прозвучал неожиданно хрипло. Джо и сам не знал, как у него вырвались эти слова. Кейт на другом конце линии ждала продолжения, но он молчал. Казалось, оба затаили дыхание, готовые к чему-то очень важному – такому, что перевернет, изменит их жизни раз и навсегда...

Но главные слова так и не прозвучали. Справившись с собой, Джо проговорил своим обычным голосом:

– Значит, ты согласна и дальше мне писать? Мне очень нравятся твои письма.

Кейт вздохнула, стараясь справиться с разочарованием.

– Конечно, согласна, – сказала она. – Правда, на будущей неделе у меня начнутся экзамены, но я все равно постараюсь писать тебе как можно чаще.

– У меня тоже будет что-то вроде экзамена! – рассмеялся Джо. На будущей неделе у него начиналась серия испытательных полетов, довольно опасных и сложных, но Джо хотелось непременно провести их самому. Впрочем, он решил, что подробности Кейт знать не обязательно. – Я хотел сказать, что буду очень занят. И все же я попробую выбрать минутку, чтобы позвонить тебе.

Потом он повесил трубку, а Кейт отправилась в свою комнату и сразу же засела за письменную работу, поклявшись себе, что не будет думать о Джо слишком много. И все же одна мысль не давала ей покоя. Родители собирались устроить прием в честь ее восемнадцатилетия, а она ни слова не сказала об этом Джо. Праздник, – а точнее, первый бал, после которого она будет официально признана совершеннолетней, – должен был состояться в «Копли Плаза» перед самым Рождеством. Правда, Кларк и Элизабет не могли устроить такой же роскошный прием, как тот, где она познакомилась с Джо, и все же был задуман большой праздник, который Кейт уже на правах взрослой предстояло открыть, пройдясь в котильоне с каким-нибудь «молодым человеком из хорошей семьи». Даже платье – узкое белое платье с атласным лифом и пышной отрезной юбкой из тончайшего газа – было давно готово и ждало своего часа. Подражая балеринам с картины Дега, Кейт собиралась собрать волосы в низкий пучок, а на шею надеть нитку настоящего японского жемчуга, которую отец подарил ей после поездки в Гонконг.

Словом, большинство проблем было уже решено, однако главный вопрос оставался открытым. Кейт очень хотелось пригласить Джо на свой первый бал, но она не осмеливалась заговорить об этом с матерью: у Элизабет, несомненно, было на этот счет свое мнение. С другой стороны, Кейт вовсе не была уверена, что Джо сумеет вернуться в Нью-Йорк до Рождества, однако она собиралась по крайней мере спросить его об этом и надеялась, что он что-нибудь придумает. Впрочем, время у нее было: до бала оставалось еще около трех недель.

Размышляя над всеми этими вопросами, Кейт совсем позабыла о том, что на противоположной стороне земного шара бушует война. Именно она спутала ей все карты. Когда неделю спустя Кейт разговаривала по телефону с матерью, обсуждая детали предстоящего праздника, она вдруг заметила в вестибюле одну из однокурсниц, которая быстро бежала по проходу. Лицо девушки было мокрым от слез, и Кейт сразу подумала, что у нее, очевидно, что-то случилось – может быть, умер кто-то из близких. Девушка что-то выкрикивала, но Кейт не могла разобрать – что именно, поскольку Элизабет как раз зачитывала ей список легких закусок, которые должны были подать на празднике.

– Что ты сказала, мама? – переспросила она и невольно поморщилась – в вестибюле появилась группа девушек, которые что-то быстро и возбужденно говорили друг другу, и поднялся невероятный шум.

– Я сказала... Что?! – Голос Элизабет внезапно прозвучал совсем тихо, словно она отвернулась от трубки аппарата. – Что ты говоришь, Кларк?..

Кейт слышала на заднем плане голос отца, сказавшего что-то неразборчивое, потом Элизабет неожиданно вскрикнула.

– Что случилось? Что-нибудь с папой?! – в тревоге закричала Кейт. – Что ты молчишь, мама?!

Ее сердце заколотилось часто-часто, а ладони вдруг стали мокрыми. На несколько ужасных мгновений Кейт как будто вернулась в тот день, когда мать сказала ей о смерти отца. Стараясь справиться с собой, Кейт отняла трубку от уха и, оглядевшись по сторонам, заметила, что многие девушки в вестибюле плачут. Только тут до нее дошло, что Кларк ни при чем, однако почти мгновенно Кейт поняла – случилось что-то еще более страшное.

– Что случилось, мама?! – снова крикнула она в трубку. – Скажи же мне!

– Твой отец только что слышал по радио... – Элизабет всхлипнула. Она явно была потрясена, растеряна, напугана; впрочем, как потом узнала Кейт, переданное по радио сообщение повергло в шок всю нацию. – Япония... Полчаса назад японцы бомбили Перл-Харбор и потопили много американских кораблей. Убито несколько тысяч наших моряков... Господи, как это ужасно!

– Перл-Харбор?..

Кейт в растерянности огляделась. В вестибюле, где она стояла, собралось уже больше двух десятков девушек, а наверху хлопали новые и новые двери – другие студентки тоже спешили вниз. И из всех комнат доносился звук работающих радиоприемников. Станции были разные, но все дикторы повторяли одни и те же слова: Перл-Харбор, катастрофа, национальный позор, война. Их заглушали громкие всхлипывания и уже не сдерживаемые рыдания – большинство студенток поняли, что их отцы, братья и возлюбленные подвергаются смертельной опасности. После столь коварного нападения Соединенные Штаты уже не могли не вступить в войну, несмотря на все предыдущие обещания и заверения властей предрекающих. Япония бросила Америке вызов, и правительство просто обязано было предпринять ответные шаги.

Еще раз убедившись, что с матерью и с отцом все в порядке, Кейт быстро попрощалась и поспешила присоединиться к подругам, чтобы узнать новые подробности трагедии. Девушки собрались в холле общежития. Здесь были почти все, кто жил в этом корпусе. Кто-то принес приемник, и студентки слушали новости в молчании, время от времени прерываемом глухими рыданиями. Кейт знала, что в одной из верхних комнат живут две японки, учившиеся на последнем курсе колледжа, однако сейчас их не было видно. Одному богу было известно, что они чувствовали в эти минуты. Кейт, во всяком случае, не испытывала к ним никакой враждебности – только жалость и сочувствие.

Лишь поздно вечером Кейт снова позвонила матери. Весь день она слушала радио, и на душе у нее было тяжело. Спокойной и безопасной жизни пришел конец. Кейт, правда, сомневалась, что японцы начнут бомбить территорию США, как немцы бомбили Лондон, но дело было не в этом. Больше всего ее тревожила опасность, которая грозила всем мужчинам призывного возраста. «Не пройдет и недели, – думала она, – как они отправятся на войну. И только бог знает, скольким из них суждено вернуться назад...»

Элизабет, к счастью, говорила почти спокойно – во всяком случае, она определенно сумела взять себя в руки. Как и Кейт, она отлично понимала, что молодым мужчинам и юношам по всей стране придется с оружием в руках защищать свою родину, и втихомолку благодарила бога за то, что у нее нет сына и что Кларку уже давно минуло шестьдесят. Они с Кейт поделились новостями. Никто не сомневался, что японцы попытаются напасть снова, причем на этот раз объектом атаки скорее всего станет калифорнийское побережье.

По радио сообщалось, что для организации обороны и защиты городов на Западном побережье уже делается все возможное. В срочном порядке возводились бомбоубежища, разворачивались мобильные госпитали, проводилась мобилизация добровольцев в отряды береговой охраны. Кейт предположила, что все это – просто проявление паники, и Элизабет согласилась с ней. Она сказала, что даже в Бостоне люди напуганы, растеряны и не знают, что предпринять. Элизабет просила дочь немедленно вернуться домой, и Кейт пообещала, что приедет в ближайшее время, но хочет дождаться, пока администрация колледжа распустит их официально. На самом деле она не могла просто так взять и уехать – это было бы слишком похоже на бегство, и Кейт было стыдно перед другими девушками.

Как и следовало ожидать, уже на следующий день им объявили, что в этом триместре занятий больше не будет и что всем им следует отправляться по домам, по крайней мере до конца рождественских каникул. Это было именно то, о чем думали все студентки, – каждой из них хотелось поскорее вернуться к родным, к семье. Не тратя времени даром, Кейт сразу отправилась в общежитие, чтобы собрать вещи. Здесь ее и застал звонок Джо.

Ему потребовалось несколько часов, чтобы дозвониться, – все линии, соединяющие Калифорнию с Восточным побережьем, были заняты, да и по телефону в общежитии все время кто-нибудь говорил. К этому времени Соединенные Штаты уже объявили войну Японии, а Япония объявила войну Соединенным Штатам, после чего ей, в свою очередь, объявила войну Великобритания.

– Ну что, Кейт, не очень хорошие новости? – Джо старался говорить бодро, чтобышний раз не пугать Кейт, и она, поняв это, была ему благодарна.

– Ужасные! – ответила Кейт, чувствуя, как на сердце у нее полегчало, едва она услышала в трубке его голос. – Как там у вас?

Из Калифорнии до Гонолулу было рукой подать, и Кейт хотелось знать правду, не приукрашенную газетчиками и радиорепортерами.

– Все в тихой панике, как назвал это один остряк, – ответил Джо. – Никто не хочет признаваться, что дела плохи, но люди напуганы, и я их понимаю. Вряд ли даже самые умные наши генералы способны предсказать, что предпримут японки. Поговаривают, что всех японцев, проживающих в западных штатах, следует интернировать, то есть, попросту говоря, посадить за колючую проволоку. Страшно подумать, что может случиться, если это решение все же будет принято! Ведь у многих из них в Калифорнии дома, работа, бизнес... Вряд ли они так легко от них откажутся.

– А как насчет тебя? – с беспокойством спросила Кейт.

Она хорошо помнила, что Джо уже несколько раз ездил в Англию в качестве военного советника Королевских ВВС, поэтому ей было очень легко представить, что будет дальше. После того как США ввяжутся в войну в Европе, Джо, скорее всего, снова отправится туда. Если же нет, то он почти наверняка примет участие в войне с Японией. Словом, в любом случае Джо окажется там, где идет война и где летают на самолетах. Кейт прекрасно понимала, что именно такой человек, как Джо Олбрайт, был нужен стране в эти дни.

– Завтра я вылетаю в Вашингтон за предписанием военного министерства и дальше буду действовать в соответствии с приказом, – ответил Джо. – Не знаю, сколько у меня будет времени, но я постараюсь заскочить в Бостон, чтобы повидаться с тобой. Если же не получится... – Он не договорил, понимая, что вряд ли у него будет больше двадцати четырех часов. А может, и этого не будет...

– Я могла бы приехать в Вашингтон, чтобы попрощаться с тобой, – храбро предложила Кейт.

Ей вдруг стало все равно, что подумают или скажут ее родители. Она просто *должна* была увидеть Джо. Должна, потому что этот раз мог оказаться последним.

– Ничего не предпринимай, пока я не позвоню, – ответил Джо. – Если повезет, я на несколько дней задержусь в Нью-Йорке. Все будет зависеть от того, что мне скажут в Вашингтоне. Мне кажется, что прежде, чем отправить меня в Англию, меня еще помаринуют здесь.

– В Англию? – переспросила Кейт, борясь с подступающей паникой.

– По мне, так лучше немцы, чем японцы, – беспечно отозвался Джо, хотя еще сегодня утром, разговаривая с высоким чином из военного министерства, он сказал, что поедет туда, куда его сочтут нужным направить.

– Как бы мне хотелось, чтобы тебе вовсе не нужно было никуда ехать, – печально вздохнула Кейт.

Впрочем, в эти минуты Кейт думала не только о Джо, но и о всех молодых людях, которых она знала, с кем вместе росла и ходила в школу, а также об их женах, невестах, возлюбленных. Всех их ожидала одна и та же долгая разлука, которая могла оказаться вечной. Особенно жаль Кейт было тех ее подруг, которые успели выйти замуж и родить. Их счастье могло быть разрушено в любой день и в любой час начавшейся войны, которая, как Кейт подозревала, будет достаточно долгой. И от этого факта нельзя было отмахнуться, сделать вид, будто все осталось как прежде. Не только жизнь отдельных людей, но и жизнь целой страны изменилась, когда на Перл-Харбор упала первая бомба, а ведь это было лишь начало – страшное начало, наложившее свой отпечаток буквально на все. Порой Кейт казалось, будто в воздухе повисла какая-то плотная дымка; люди как будто разучились смеяться и только шептались по углам или плакали. Все боялись повторения гавайского кошмара; ходили слухи, что германские подводные

лодки могут атаковать даже Восточное побережье, и многие семьи уезжали в глубь страны – туда, где было не так опасно.

– Не волнуйся, я думаю, у нас все получится, – постарался успокоить ее Джо. – Кстати, скажи, где тебя искать – в колледже или дома?

– Сегодня вечером я уезжаю домой. Нас распустили до конца рождественских каникул, – ответила она, подумав, что в этом году рождественские праздники будут совсем не праздничными.

– Я вылетаю в Вашингтон через пару часов. Если, конечно, погода позволит, – сказал Джо. – Не хочется бросать дела, но ничего не попишешь.

Кейт его прекрасно понимала: не он один был в подобном положении – вся страна бросала повседневные дела и заботы и перестраивалась на военный лад.

– А какая у вас сейчас погода? – любопытствовала Кейт. Ее любопытство, впрочем, было далеко не праздным, и Джо, почувствовав это, испытал сильное желание как-то успокоить ее, но солгать у него язык не повернулся.

– У нас гроза, – спокойно сообщил он. – Но прогноз обещает «ясно» в самое ближайшее время. И по всему маршруту, насколько мне известно, погода стоит хорошая.

Этого оказалось достаточно, чтобы Кейт успокоилась. Дело было даже не в том, что говорил Джо, а в том – как. Всеобщая истерия как будто вовсе его не коснулась, и в самом звуке его голоса было что-то умиротворяющее. Тихий островок посреди бушующего океана – таким ей показался сейчас Джо.

Впрочем, о бушующих океанах ей думать все же не хотелось.

– Желаю тебе счастливого полета, Джо, – сказала она. – Надеюсь, мы все-таки увидимся.

– Я тоже надеюсь. А сейчас – извини, мне пора идти. Надо собрать вещи, чертежи, кое-какие документы. Я позвоню, когда что-то прояснится.

– Я буду ждать, – просто ответила Кейт.

Притворяться дальше не имело смысла. Всем своим существом она стремилась к нему. Ей было необходимо увидеться с Джо до того, как он отправится в далекую страну, навстречу смертельной опасности. Приличия, условности света – все было оставлено, позабыто. Теперь только одно имело для нее значение...

Остаток дня пролетел в невеселых сборах и прощании с подругами, которые одна за другой разъезжались по домам. Некоторые из девушек жили довольно далеко от колледжа, и им предстояло долгое путешествие. Что касалось девушки из Гонолулу, то родители категорически запретили ей возвращаться на Гавайи, и она собиралась ехать в Калифорнию к своему жениху. Лишь студенткам из Японии некуда было податься. Еще утром они побывали в японском консульстве в Бостоне, но там им не сказали ничего определенного, и теперь обе девушки были напуганы куда больше, чем их американские подруги. Никто не знал, что с ними теперь будет. Ни связаться с родителями, ни вернуться домой они не могли, а в городе на них уже начинали коситься.

Когда Кейт добралась наконец до дома, отец и мать уже с нетерпением ждали ее. За прошедшую неделю они, казалось, состарились на несколько лет – их лица осунулись и выглядели неестественно бледными, а у Кларка под глазами залегли темные тени. В кухне и в комнатах постоянно работало радио, и оба были в курсе событий. По мнению Кларка, считанные часы оставались до того, как американские части вступят в бой с врагом.

– Как там Джо? Тебе что-нибудь о нем известно? – спросил он, когда Кейт, поставив чемодан на пол в гостиной, обняла сначала мать, потом отца.

Кларк отправил за дочерью такси, а сам решил остаться с женой, так как в последние несколько часов Элизабет очень нервничала. То, что Кейт держала себя в руках, произвело на него благоприятное впечатление. Она была спокойна и даже не удивилась, когда отец спросил у нее о Джо.

– Его вызвали в Вашингтон, – сказала она. – Он, наверное, уже вылетел. Я спрашивала, куда его отправят, но он пока не знает.

В ответ Кларк понимающе кивнул, но Элизабет посмотрела на дочь вопросительно и тревожно. Для нее было новостью, что Кейт и Джо перезваниваются. Она, однако, ничего не сказала, решив, что к сложившейся ситуации обычные правила, скорее всего, неприменимы. И все же Элизабет не могла не задаться вопросом, сколько раз эти двое говорили по телефону и о чем...

Потом они сели ужинать, но обычных разговоров за столом на сей раз не было. Все трое напряженно прислушивались к тому, что скажет радио, и обращались друг к другу лишь по необходимости. Никто из них даже не притронулся к еде, так что после ужина Кейт пришлось сгрести остывшее картофельное пюре в мусорное ведро. Была уже почти ночь, когда они пожелали друг другу спокойной ночи и отправились спать.

Однако для Кейт эта ночь не была спокойной. Она долго лежала без сна и думала о Джо. Глядя на часы, Кейт пыталась представить себе, над какой точкой страны находится сейчас его самолет, какая погода за бортом, все ли в порядке с двигателями и топливом, и гадала, увидит ли она его, прежде чем он отправится на войну.

На следующий день она встала очень рано, но Джо позвонил только около полудня. Он сообщил, что всего несколько минут назад приземлился на аэродроме Боллинг-Филд в округе Колумбия и сейчас же выезжает в Вашингтон.

– Я только хотел, чтобы ты знала, что я долетел благополучно, – сказал он.

Джо едва ли смог бы объяснить, *почему* решил ей позвонить. Он сделал это скорее полусознательно, чем осмысленно. Он знал только, что должен услышать ее голос, а что при этом сказать, было не так важно. Впрочем, никто из них больше не стремился разобраться в том, что же, собственно, между ними происходит. Им это было не нужно. Достаточно было того, что они чувствовали себя соединенными некоей тайной, которую ни Джо, ни Кейт еще не готовы были назвать подлинным именем.

– Мне пора идти, Кейт. Я тебе еще позвоню.

– Я буду ждать.

Не прошло и трех часов, как телефон зазвонил вновь: Джо, похоже, твердо решил извещать ее о каждом своем шаге. На этот раз он сообщил, что все это время проходил инструктаж и получал необходимые приказы. Его произвели в капитаны армейской авиации и прикомандировали к британским Королевским ВВС, в составе которых ему предстояло совершать боевые вылеты. Кейт уже знала, что полчаса назад президент Рузвельт объявил о вступлении Америки в войну – она слушала его речь по радио, – и Джо сказал, что теперь никаких проволочек быть не должно. В Лондон он отбывал через два дня с военно-воздушной базы в окрестностях Нью-Йорка.

– Вот так, Кейт, – закончил он. – Через два дня я буду уже в Великобритании, но ты за меня не волнуйся. Меня направили в одно из самых приличных мест на всех островах.

Кейт знала, что Джо уже работал с английскими летчиками в качестве инструктора; вся разница заключалась в том, что теперь ему предстояло командовать звеном истребителей и участвовать в боях. При мысли об этом Кейт похолодела – особенно когда поняла, что как только немцы узнают, кто воюет против них, они станут специально охотиться за Джо. Он был хорошо известен не только в Америке, но и в Германии, а репутация воздушного аса делала его желанной добычей для любого вражеского летчика.

Сознавать, что Джо должен уехать очень далеко и что каждую минуту он будет подвергаться смертельной опасности, было невыносимо тяжело. Кейт даже не представляла, как она будет жить, не имея возможности узнать, как он и что с ним. Ведь наверняка Джо не сможет звонить ей из Англии, а на почту особенно рассчитывать не приходилось, так как в Атлантике хозяйничали германские подводные лодки.

Но она постаралась отогнать от себя эти мысли. Как-никак у них было почти два дня, которые они могли провести вместе. Кейт была убеждена, что даже если им удастся встретиться, в их распоряжении будет всего несколько часов или даже минут, так что двое суток казались ей настоящим подарком судьбы.

– Приезжай, я буду ждать, – сказала она тихо.

Повесив трубку, Кейт подумала о том, как быстро изменились их отношения. Дружба – или, точнее, видимость дружбы, которую они всеми силами старались поддерживать, – начала исчезать, растворяться в воздухе как что-то ненужное, а на ее месте вырастало на глазах что-то совсем иное, куда более сильное и... прекрасное.

Но приехать Джо смог только на следующий день: ему пришлось потратить очень много времени, чтобы получить форму и все необходимые документы. Самолет военно-транспортной авиации, которому предстояло доставить его в столицу Великобритании, отправлялся из Нью-Йорка в полночь, так что в их распоряжении оказалось всего каких-нибудь девять жалких часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.